

Аузан. ... потому что там, конечно, люди еще идут, но местá в зале, насколько мы видим с уважаемым сопредседателем, уже закончились. Мы сейчас выставим здесь стулья, но, по-моему, зал собрался, и диспут может стартовать.

Это, не могу сказать, что юбилейный, но очень знаковый диспут, потому что это 77-й диспут в нашей программе, которая стартовала в марте 2006 года. И, как видите, за прошедшие почти, сколько там получается, шесть с половиной лет программа не выдохлась, судя по вашему интересу, а приобретает некоторый новый формат.

Мое предисловие будет совершенно не содержательным, а техническим, потому что тема, по-моему, экономистам вполне понятна как проблема – стагнация российской экономики, оценки вокруг причин стагнации и того, как строятся действия.

Я, единственное, хочу обратить ваше внимание на то, что в данном случае в диспуте встретились ведущие представители по макроэкономическому анализу двух, я бы сказал, родных университетов. Московского государственного университета. Потому что Андрей Николаевич Клепач уже как избранный глава с 1 сентября руководит кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ. (*Аплодисменты.*) И директор по макроэкономическим исследованиям Высшей школы экономики, а я все время повторяю, что это же русский Кембридж, это же наши собратья, которые перешли речку и основали другой университет, - я рад приветствовать наших коллег и друзей из Высшей школы экономики, сидящих в этом зале. Вот этот междууниверситетский, так получается, не(?) макроэкономический диспут – это очень важный аспект. Я подчеркиваю, что нет смысла задавать, скажем, Андрею Николаевичу вопросы про позицию российского правительства или Министерства экономики, потому что он представляет здесь кафедру макроэкономической политики и говорит от имени кафедры макроэкономической политики и, скорее, себя как мыслителя, аналитика и исследователя. Поэтому, я думаю, что это придаст бóльшую содержательность как диспуту, так и вопросам.

Напоминаю, поскольку вдруг в зале, где присутствует около 200 человек, есть один-два человека, которые не знают порядок нашего диспута. Обычно у нас это проходит так. Первая презентация – до 20 минут, и первым будет выступать Андрей Николаевич Клепач. Затем два вопроса задает Сергей Владимирович Алексашенко, и два коротких ответа дает Андрей Николаевич Клепач. Потом идет вторая презентация – до 20 минут. И два вопроса коротких задает Андрей Николаевич Клепач, и два коротких ответа дает Сергей Владимирович Алексашенко. Затем мы переходим ко второй фазе: мы собираем от вас вопросы. Собираем вопросы. Вы говорите, кто вы, к кому вопрос. Учитывая, что людей много, я попрошу ограничиваться одним вопросом. Хорошо? Докладчики записывают и потом начинают отвечать. Уже в другом порядке: первым будет отвечать Сергей Владимирович, а потом уже Андрей Николаевич. После того как ответы будут закончены, оставшееся время, а диспут у нас продолжается всегда ровно два часа, делится между желающими высказать реплики, и регламент определяется автоматически. Например, 30 человек хотят высказаться за две минуты (60 секунд) – 2 секунды на реплику. Да?

Алексашенко. Нет, две минуты – это 120.

Аузан. А! Ну это значительно больше, это 4 секунды.

Алексашенко. Слушайте, в МГУ что-то с арифметикой стало.

Аузан. Да-да-да. Причем давно. Так вот я не уверен сегодня, что у нас получится вот эта третья часть, – много людей, полагаю, будет немало вопросов. Но это все зависит от зала. Напоминаю, что мы как сопредседатели с Евсеем Томовичем Гурвичем делим полномочия. Я сказал введение и после этого замолкаю. А вести будет Евсей Томович Гурвич, который у нас мягкий следователь, я – жесткий. А я уже в заключение скажу пару слов. Тем самым диспут стартовал, и, пожалуйста, Евсей Томович, примите управление процессом.

Гурвич. Да. Я хочу добавить к тому, что сказал Александр Александрович, что, действительно, Андрей Николаевич здесь будет выступать как независимый эксперт, и не только правительство не несет ответственности за его высказывания, но и он не несет полной ответственности в рамках нашего диспута...

Реплика. За свои высказывания.

Гурвич. ...за действия правительства. Поэтому прошу не высказывать ему претензии к политике правительства, если они вдруг у кого-то окажутся.

Аузан. Прошу прощения. Но если есть претензии к деятельности кафедры макроэкономической политики и стратегического управления, - это пожалуйста.

Гурвич. Да, конечно. Второе – то, что, понятно, что сегодняшних участников диспута не нужно представлять, но я хочу добавить, что они являются давними соратниками. В частности, вместе основали один из ведущих центров нашей Ассоциации – Центр развития, и в их взглядах много общего. Но нам удалось найти и некоторые различия по этому вопросу, которые отражены в цитатах приведенных. Андрей Николаевич высказывался на круглом столе, который устраивали «Ведомости», что, по его мнению, государство должно было бы подать пример бизнесу, реализуя крупные проекты, то есть обучение на собственном примере инвестиционной деятельности и вдохновение. А Сергей Владимирович высказывается так, что главная задача государства – это создать условия, для того чтобы бизнес захотел увеличить свою инвестиционную активность.

Передаю слово Андрею Николаевичу для выступления первого. Пожалуйста, 20 минут у вас.

Клепач. Спасибо, Евсей Томович, уважаемые коллеги. Я постараюсь, действительно, сказать все, что я думаю как эксперт. И, с другой стороны, поскольку невозможно отделить, пока ты работаешь в правительстве, свое положение как все-таки чиновника, ну или государственного служащего, от того, что бы ты хотел сказать как эксперт, я, естественно, к сожалению, все-таки не смогу сказать все, что я думаю. Поэтому прошу меня извинить. Надеюсь, какой-то компромисс мне удастся найти.

Если говорить, действительно, у нас заявка сегодня темы такая очень по-русски: не просто стагнация, а кто виноват и что делать? – извечные два вопроса, - то я бы здесь все-таки начал, может быть, с другого. По сути дела, стагнация не является чем-то уж сильно новым, и о том, что будет определенная пауза роста, мы предупреждали еще год назад, хотя масштабы ее оказались несколько сильнее. Но, на самом деле, обычно мы даем несколько сценариев прогноза. И в консервативном прогнозе, который делался при составлении бюджета, то есть год назад, сценарий роста был именно 1,7 – темп роста ВВП на 2013 год. Но мы предполагали, что за счет реализации определенного комплекса мер и за счет более высокой степени доверия бизнеса к той политике, которая проводится, нам удастся темпы роста поднять, и они были бы существенно выше. Потом это оценки уменьшались, и сейчас мы видим, что мы действительно легли на именно консервативную траекторию.

Это картинка, которая показывает: вот внизу синий цвет – это та динамика прогноза, которая сейчас есть и которую правительство одобрило сегодня на своем заседании. Причем это не самая консервативная оценка. То есть здесь заложены и определенные оптимистические гипотезы, поскольку есть риски, которые могут понизить эту траекторию роста и ниже. А вот выше находится красенькая линия – это тот как бы умеренно-оптимистичный или оптимистично-консервативный прогноз, который был базовым раньше, и он лежал в основе бюджета, и он предполагал целый пакет мер, правда, выходящих в том числе за принятые правила, и за сложившуюся ситуацию в банковском секторе. Он ориентировался на то, что экономический рост, если не в 2013 году, то в дальнейшем, можно разогнать где-то примерно до трех с лишним, около 4%. Ну, и наверху такая очень оптимистичная зеленая горка, такой, можно сказать взлет вверх – это примерный счет на те темпы роста, которые нужны, для того чтобы выполнить

параметры, заложенные в Указе Президента. Рост производительности труда в полтора раза, там 25, потом 27% - норма накопления.

То есть, по сути дела, это траектория, сопоставимая с тем, что у нас было до кризиса, когда цены на нефть росли вверх. То есть предполагается очень серьезный такой инвестиционный бум, который сейчас, к сожалению, не реализуется. Более того, этот вариант, когда он даже изначально формировался, мы рассматривали как вариант несбалансированный и в силу бюджетного дефицита, и в силу совершенно другой конструкции по платежному балансу, по банковскому кредитованию.

На мой взгляд, ключевой вопрос не в том, там стагнация или кто в ней даже виноват, - здесь есть достаточно сформировавшийся анализ у большинства экспертов. Более важно, скорее, какие уроки мы из этой нынешней ситуации можем извлечь. По сути дела, нынешняя пауза роста показывает, насколько уязвимой является наша экономика, когда мировой спрос стагнирует, причем даже высокие цены на нефть не перекрывают то, что, по сути дела, наш экспорт сократился. Сократился не только в физическом выражении, но если брать динамику этого года, то и в номинальном выражении. И это произошло не только из-за колебаний (ну, немножко из-за снижения цен на нефть и газ, хотя все равно цены достаточно высокие), но и из-за падения экспорта – и по стоимости, и в физическом выражении – по сырьевой группе, от которой мы сильно зависим. И если рассматривать дальнейшую траекторию роста (вернемся назад), то, по сути дела, даже оптимистический сценарий – это сценарий роста нашего экспорта где-то в пределах чуть более 1% в год, до 1,5% в год. Ясно, что существенного вклада в рост экономики это сделать не может. То есть нужны другие факторы, другие двигатели роста. Об этом речь идет давно, весь вопрос – что у нас есть?

Если говорить о сценарных развилках, то напомним те сценарии, которые обсуждались достаточно активно и в прошлом году, и в начале этого года, но, на самом деле, их актуальность, хотя цифры несколько варьируются, не исчезла.

Форсированный сценарий, я уже сказал, - это сценарий не просто реализации указов президента. За ним стояла определенная качественная гипотеза. То есть другой качественный облик и российской экономики, да, по сути дела, и России как государства. Там можно отвлечься от этих рекордных темпов роста. Он был связан с чем? Что мы действительно совершаем прорыв в изменении нашей конкурентоспособности, и это касалось не только сырьевой группы, но особенно обрабатывающих отраслей, и параметрах импортозамещения. Он предполагал также то, что мы по параметрам развития сектора здравоохранения и образования и с точки зрения финансовых расходов, и с точки зрения качества услуг на рубеже от 2020 года до 2025 выходим на стандарты ОЭСР. Соответственно, это материализовывалось в очень высоких темпах роста ВВП, существенно выше, чем те, что нам давали и международные институты, да и большинство экспертов.

Второй сценарий, который был как бы базовым и рассматривался как инновационный. Понятно, что инновации есть везде, они есть и в топливно-энергетическом комплексе, есть в любой сценарии. Но он рассматривался как инновационный, именно исходя из того, что мы создаем достаточно конкурентоспособный сектор, мощный сектор и в среднетехнологичных отраслях, в образовании, в науке, которые конкурентоспособны по мировым меркам. Он не является главным двигателем роста, его удельный вес, если даже туда зачислять всю сферу образования и здравоохранения, около 10% ВВП сейчас, ну и дальше выросло это до 13-14%, потом повыше. Но тем не менее это огромный качественный скачок, который в темпы превращался попозже.

С точки зрения социальной структуры общества это также модель, где происходил существенный сдвиг. Если сейчас у нас средний класс по разным гипотезам от 22 до 26%, бедные, тоже по разным гипотезам, от 13 до 20, богатые – 6-8%, то фактически половина населения, даже несколько больше, относится к так называемой группе либо мало, либо

недостаточно обеспеченных. Предполагалось, что в рамках такой модели развития не только за счет темпов роста, но именно за счет кардинального изменения положения в той сфере, которая занята производством знаний, по сути дела, производством и человеческого богатства, то есть учителя, врачи, научные работники, социальная структура общества изменится. Там средний класс вырос до 30, потом до 40 с лишним процентов.

И консервативный вариант. Консервативный вариант – это не просто инерция. Это действительно сохранение, по сути дела, с теми или иными модификациями той модели, в которой мы сейчас живем. Ключевые деньги генерируются в топливно-энергетическом секторе, хотя его удельный вес будет понижаться при стабильной цене на нефть и стабильных ценах на газ. Наряду с развитием, возможно даже формируемым энергосырьевого комплекса, предполагалось фрагментарное, очаговое развитие ряда высокотехнологичных производств или среднетехнологичных, связанных где-то с государством, как оборонка, где-то с определенными нишевыми позициями на мировом рынке. При этом сохранялось достаточно высокое социальное неравенство, то есть средний класс там максимум около 30%, а также межрегиональное неравенство. Среднегодовые темпы роста составляли около 3% в год. На самом деле, сейчас мы фактически, несмотря на наш замах, идем именно по этой консервативной модели. Хотя это не означает опять же, что нет развития, нет качественных изменений.

Собственно говоря, сейчас правительство утвердило именно консервативный прогноз с новеллами по «замораживанию» тарифов. Действительно, если брать традиционный анализ по вкладам в экономический рост, то, по сути дела, вклад экспорта, чистого экспорта будет негативным, потому что импорт, несмотря на резкое снижение темпов роста, все равно растет быстрее, чем наши экспортные позиции. Более того, за ближайшие несколько лет при стабильных, точнее, несколько снизившихся ценах на нефть мы не сможем восстановить объем экспорта, который у нас был в 2012 году. То есть по стоимости он будет ниже. Соответственно, и приток денег в экономику тоже ниже. Вклад инвестиций, учитывая их удельный вес, даже при условии если они ускорятся до пяти с лишним, 6% роста в 2015-2016 году, все равно достаточно невелик, то есть основным драйвером здесь остается все равно потребительский спрос, хотя и он затормозится до четырех с лишним процентов.

Какие здесь возникают развилки? Здесь не хочется вдаваться в теоретические дискуссии, что поскольку у нас нет хороших институтов, то и темпов роста хороших не будет. Однако трудно сказать, что в 2000-е годы институты были на голову выше, чем сейчас, но темпы роста тем не менее были семь с лишним процентов, сейчас 1,8, потом в лучшем случае около трех. Качество институтов, по одним оценкам, ухудшается, по другим, если брать налоговое администрирование и общий бизнес-климат, улучшается, но какого-то кардинального изменения не произошло. Тем не менее прямой такой зависимости, особенно в среднесрочной перспективе, между институтами и темпами роста, на мой взгляд, не существует. Хотя опять же очевидно, что лучше быть богатым и здоровым, лучше иметь хорошие институты даже, если это не дает ничего для экономического роста. Хотя определенный вклад они вносят.

Тем не менее есть несколько макроэкономических развилки, которые играют, я думаю, критическую роль и с точки зрения темпов, и с точки зрения качества роста.

Если говорить о ценообразовании. Мы, в принципе, достаточно давно ставили вопрос об ограничении темпов роста тарифов. Сейчас принято достаточно радикальное решение: на один год заморозить. Точнее, если так более дипломатично говорить, сдвинуть на год индексацию тарифов для предприятий, но при этом заложить некоторую крайне умеренную, ниже инфляции, темповку тарифов для населения. Сейчас не хочу оценивать последствия всей этой меры. Мы часть оценок привели в прогнозе правительству. В краткосрочном плане, по сути дела, это дает торможение темпов роста инвестиций. Причем минимальные оценки – это порядка 600 миллиардов минус за три

года. Может быть, и выше. Но правительство исходит из того, кто компании инфраструктурного комплекса – это не только монополии, все эти решения затрагивают и конкурентные сегменты. Они все-таки должны мобилизовать свои ресурсы, оптимизировать издержки и частично этот негативный эффект компенсировать. Более того, есть ожидания, крайне оптимистичные, что основные как бы в выигрыше от этого эффекта – это наши металлурги, химики, нефтепереработчики увеличат инвестиции больше, чем они и так планировали. Поэтому баланс оценок сейчас, как говорится, оценить сложно.

Но я бы здесь говорил, скорее о другом. Одна из проблем, которая здесь формируется, это то, что мы подходы к долгосрочному тарифообразованию существенно видоизменили или, скорее, сдвинули на год и перечеркнули те правила долгосрочного тарифообразования, которые были приняты. По сути дела, вот эта пауза или следующий год потребуется для того, чтобы выработать новую модель этого ценообразования и восстановить доверие тех же инвесторов в инфраструктурные компании, да и, собственно говоря, потребителей, чтобы они понимали, по каким правилам игры они будут работать в ближайшие годы. Поэтому это такой институциональный вызов, который здесь важнее, чем счет того, какое потенциальное сокращение доходов или их перераспределение между секторами.

При этом гипотеза, что все можно загнать под инфляцию, а сейчас, по сути дела, такая модель принята, тоже носит достаточно спорный характер. Напомню, что все эти сегменты крайне различные – тепло, генерация, сети, железка (по грузам, для пассажиров) – у них очень большие особенности по издержкам, по доходам, по правилам регулирования. И всех выровнять под одно правило практически невозможно. Нам все равно придется возвращаться к вопросу об особенностях институционального регулирования в этих сегментах. При этом напомню, что инфляция, конечно, уникальный индикатор, и всегда есть желание найти простой ключик для всех сложных проблем. Но на 40% инфляция – это продовольственная группа, а из этих 40%, наверно, две трети, так или иначе, в силу специфики нашего аграрного сектора определяются ценами в Соединенных Штатах и в Европе. В этом плане все тарифообразование мы фактически привязываем к ценам на кукурузу в Америке. Я утрирую, но тем не менее здесь есть определенная проблема. И поэтому, хотя инфляция – важный индикатор, и, действительно, по-любому мы должны соотносить тарифы с инфляцией, но долгосрочный подход должен учитывать более широкую гамму факторов.

Вторая развилка – это бюджетное правило. И здесь тоже есть как бы принципы, и хорошо, когда они выполняются. Сложно, когда принцип становится фетишем. Действительно, бюджетное правило принято. В его отстаивание большой вклад внесли и некоторые мои коллеги – не будем показывать пальцем.

Гурвич. Это уже часть, кто виноват, пошла.

Клепач. Да. Напомню, что мы в своих обоснованиях год назад и в начале этого года показывали, что те реформы, которые мы хотим провести, а также те расходы, которые нужны для не торможения, а, наоборот, компенсации негативной внешнеэкономической ситуации, требуют большего уровня бюджетных расходов, чем это возможно по бюджетному правилу. Как минимум на 0,5-0,7 процентных пунктов ВВП. Частично это можно перекрыть за счет средств Фонда национального благосостояния, их инвестирования, но тем не менее здесь нужны и бюджетные расходы.

Однако принято то решение, которое принято. При этом, на мой взгляд, есть развилка между двумя видами бюджетной и экономической политики. Это развилка есть не только в России, но и в любой стране, которая проводит либо антикризисную, либо стимулирующую политику. Мы исходим из того, что есть либо цикл сжатия, или рестрикционный цикл замедление роста, который естественно ухудшает доходную базу бюджета. Причем в этом году мы получили нефтегазовые доходы выше, чем планировалось, но доходы ненефтегазовые – меньше. Поскольку они меньше, то, по сути

дела, по бюджетному правилу мы должны резать госрасходы. Специфика переходная в том, что параметры 2014-2015 года идут по принятой ранее планке, потому что, если по бюджетному правилу, мы должны были их обрубить уже резко и в 2014 году. Зато на 2016 год происходит резкое сокращение, по сравнению с тем, что было бы необходимо для поддержания экономического роста.

Соответственно, сокращение расходов – вещь не нейтральная, хотя многие считают, что это так. И, действительно, дальше можно приводить кучу примеров неэффективных бюджетных расходов. Но тем не менее ничего из ничего не бывает. И поэтому существенное сокращение расходов, причем оно же не фронтальное, оно избирательное, поэтому в первую очередь сокращаются государственные капитальные вложения. Я напомним, что мы единственная страна, которая в условиях кризиса с 2008-2009 года резко сократила государственные инвестиции. И, по сути дела, мы из этого клинча не вышли, то есть на 2012 год у нас негативная динамика в реальном выражении в госкапвложениях, и до 2016 года включительно. При этом это касается как инфраструктуры, транспортной инфраструктуры, но там, правда, с учетом средств ФНБ не ноль, а небольшой плюс. И также сокращение расходов на образование, здравоохранение, науку и прочие вещи, за исключением оборонных расходов. В рамках этого цикла это неизбежно дает торможение экономического роста.

И цикл роста. Когда мы действительно осуществляем расходы, но не сами по себе, а действительно имеем стоимость реформ, это дает определенный рост экономики, и, соответственно, это дает изменение структуры экономики и рост, в конечном счете, доходов бюджета. Ну, дальше можно (тут есть разные хитрые способы) посчитать, какой вклад того или иного направления расходов – транспортной инфраструктуры, расходов на человеческий капитал.

По большому счету, здесь как бы все эти оценки достаточно, с одной стороны, спорны. С другой – мы бы ранжировали их таким образом, что в среднесрочном плане, вот на ближайшие годы, достаточно большой вклад, как ни странно, дают расходы на госзакупки, и в том числе оборонные расходы, потому что это спрос прямой на машиностроительную продукцию. Во-вторых, это расходы на развитие транспортной инфраструктуры. Но их качественный эффект носит более долгосрочный характер, потому что вначале это больше спросовый эффект – закупка машин, сырья и материалов. А вот эффект того, что транспортная инфраструктура приобретает новое качество, что снижаются транспортные издержки, возрастает скорость грузов, – это эффект уже, который начинает реализовываться фактически уже через два, а реально три-четыре года. Эффект от человеческого капитала носит еще более долгосрочный характер.

Ну, это картина расходов, которая сейчас вырисовывается по бюджетной системе в целом в соответствии с принятыми решениями. В качестве отдельных цифр назову, что если сейчас расходы на здравоохранение по бюджетной системе у нас оцениваются примерно в 3,3% ВВП, но есть некоторые и более высокие оценки. Еще раз говорю: при нынешней бюджетной системе и постоянном изменении классификации сделать правдоподобную оценку достаточно сложно. Было бы здорово, если бы студенты и аспиранты экономического факультета с этим бы разобрались, нам самим не всегда удается это сделать. Ну, сколько федеральный бюджет тратит, понятно, а вот сколько вся система тратит?

Ну, вот цифры варьируются от 3,3 примерно до 3,6%. Но к 2016 году она сокращается примерно до 3,2-3,4%. Это означает сокращение в реальном выражении, несмотря на существенный рост тарифных выплат по Фонду медицинского страхования, обязательных выплат. При этом мы практически полностью или резко сокращаем расходы на высокотехнологичную и специализированную медицинскую помощь. Это все, соответственно, крайне дорогостоящие формы лечения, которые в полной мере не кладутся обычно в мире в систему страхования. У нас по закону все должно к 2015 году уйти в систему обязательного медицинского страхования. Поэтому лучше быть и

богатым, и здоровым. Вдвойне. Но надеюсь, что определенные паллиативные хотя бы решения здесь будут приняты, и поэтому некоторое бюджетное федеральное субсидирование высокотехнологичной помощи, правда, в размерах пока примерно вдвое ниже, чем то, что есть сейчас сохраняется. Тем не менее это риски, и здесь нужны серьезные институциональные изменения, но напомним, что как бы первоначально здесь предполагался существенный рост этих расходов.

Развитие расходов на образование. Если 2013 год – это 4% ВВП по бюджетной системе, 2016 год при такой динамике – 3,5%. Даже с учетом повышения заработной платы учителей и профессорско-преподавательского состава.

Ну, по инфраструктуре в части бюджетной системы сокращение расходов примерно... будем считать, оно стабильно. В том числе и с учетом средств ФНБ. Хотя и существенно меньше, чем это предполагалось раньше.

Еще одна проблема. Точнее, две. Очень коротко. Одна из приоритетных целей, ради которых в том числе и было направлено бюджетное правило, это сокращение нефтегазового дефицита. Ну, вот здесь в столбике вниз показано, что сейчас он у нас около 10% ВВП. Дальше должен сократиться – при той бюджетной конструкции, которая реализуется, - до 8,4%. Действительно, это существенный фактор нашей уязвимости. Хотя опять же всегда возникает дилемма: как бы сокращать это за счет сокращения расходов либо за счет создания условий для диверсификации экономики, и отсюда для расширения налоговой базы нефтегазовой?

Но в данном случае я хочу обратить внимание на другое. Ситуация с нефтегазовым дефицитом, на самом деле, очень сильно связана, хотя эту связь обычно не видят, с ситуацией с нашим торговым балансом. В нефтегазовом, как говорится, балансе бюджетном мы привыкли, по сути дела, оттягивать из экономики бо́льшую часть нефтегазовых доходов и их накапливать – в Резервном фонде, в ФНБ. И мы считаем, ну или так считается, что это позволяет и ослабить зависимость, и придать необходимую стабильность. Плюс убрать перегрев. Правда, понятно, когда перегрев убирали при 7% роста, сложнее объяснить, как убирать перегрев при 1,8. Такое ощущение, что все, что отличается от нуля, это уже перегрев.

Но в данном случае на что обращаю внимание? Бюджетная система ориентируется все равно на очень жесткие параметры. В то же время, если мы посмотрим на ситуацию с торговым балансом, где у нас с вами, как известно, большое положительное торговое сальдо, которое фактически сейчас порядка 6-7% ВВП. Дальше, правда, должно резко снизиться, при сложившейся динамике к 2016 году сальдо по торговому будет небольшое положительное, по текущему – около нуля. Но валютный курс реагирует именно на это торговое сальдо – большое положительное. То есть если экономика и бюджетная политика строятся, по сути дела, под экономику, где нефтегазовые доходы мы должны изъять, то из валютного курса никто нефтегазовую составляющую не изымает. То есть он у нас такой крепкий, ну или умеренно-крепкий, именно потому, что он базируется на притоке иностранной валюты, полученной от продажи нефти и газа. Если бы не это, то у нас бы дефицит торгового баланса был примерно 8% ВВП – больше, чем в многострадальной Украине. Которая, правда, держит курс гривны (надеюсь, не так долго она его еще продержит) за счет притока капитала. У нас отток. У них, правда, в этом году тоже отток.

Что это означает фактически? Что курс, который бы соответствовал бюджету, построенному на нефтегазовых доходах, должен быть фактически вдвое ниже, чем тот, который есть сейчас. Вообще в этом смысле, чем жестче наша бюджетная политика, тем, естественно, возникает больше вопросов к тому, а какая должна быть денежная и курсовая политика в этих условиях. Потому что одновременно зажимать и бюджетную, и денежную, и курсовую политику – это самый лучший способ остановить экономический, так сказать, автомобиль.

При этом напомню, что сейчас, и это принято и правительством, и Центральным банком, мы переходим к таргетированию инфляции. Что это может означать? Цель как бы благородная, но если ее делать фетишем, то фактически, имея относительно высокую инфляцию, или тогда, когда она, с точки зрения Центрального банка, будет выше, поэтому ему мешают высокие тарифы, он будет должен зажимать денежную политику, со всеми последствиями для экономического роста. Но это если делать инфляцию фетишем. Напомню, что даже один из уроков нынешнего мирового кризиса, который извлек Всемирный фонд, заключается в том, что для стран со слабой экономикой нельзя однозначно следовать таргетированию инфляции. Подход должен быть более многофакторным(?), учитывая где-то, где необходимо, и таргетирование курса, пусть не как самодовлеющую цель, но как тот курс, который позволяет поддерживать относительное равновесие по счету текущих операций, и другие цели, так или иначе завязанные на то, а какой эффект это дает для экономического роста.

Поэтому, может быть, сказать так, что один из вызовов, который здесь возникает, это вызов того, насколько разные элементы бюджетной, денежной политики, структурной или промышленной политики будут согласованы друг с другом. И насколько мы будем не просто решать текущие сиюминутные задачи или поддерживать макроэкономическую стабильность, но в какой мере мы сохраним тот стержень и тот вызов все-таки системной политике развития и проведения преобразований, которая была заявлена и в основных направлениях деятельности правительства, и в указах президента.

У меня все. Спасибо.

Гурвич. Спасибо большое. Сергей Владимирович, у вас два коротких вопроса. Которые допускают короткие ответы.

Алексашенко. Понимаете, мы с Андреем Николаевичем настолько хорошо знаем друг друга и мы настолько с ним хорошие друзья, что я прекрасно понимаю, и что он сказал, и он прекрасно понимает, что я его спрошу. Да. А я знаю, что он ответит. Ну, давайте попробуем.

Гурвич. Ну, нам тоже интересно.

Алексашенко. Нет-нет, я понимаю. Хорошо. Давайте, значит, два коротких места(?).

Аузан. Не все так близко знают Андрея Николаевича.

Алексашенко. Я понимаю. Просто, ведь ты пойми, что вот задать короткий вопрос, два коротких вопроса... Значит, первое. Считали ли вы, не знаю, в любом качестве – как Минэкономики или как руководитель кафедры – мультипликаторы приростных(?) бюджетных расходов? То есть влияние их на экономику. Ну, мы в Центре развития делали такую оценку где-то месяца три-четыре, может быть, назад. Может быть, чуть больше. У нас получаются крайне низкие мультипликаторы. То есть, грубо говоря, один прирост бюджетных расходов дает от 0,11 до 0,3 прироста ВВП и с затуханием, с полным исчезновением какого-либо эффекта в третьем году. То есть в первый год есть эффект, во второй он снижается вдвое, а в третий год эффекта нет. Соответственно, первый вопрос – мультипликаторы.

Второй вопрос. Постольку поскольку вы об этом не говорили, но я, как говорится, знаю, что вы много занимаетесь секторами, конкретными секторами экономики – это, собственно, ваша ответственность в министерстве, - можете ли вы привести пример государственной компании, которая является локомотивом роста? Пусть она не очень большая, но вот которая, действительно, и хорошо растет, и тянет за собой еще кого-то. Вот не только она является получателем бюджетных денег, а вот она еще и локомотивом, пусть маленьким.

Клепач. Спасибо. Значит, по мультипликаторам. Действительно, вопрос достаточно серьезный. Я сейчас не готов сказать, не помню просто, какого рода оценки мультипликаторов мы делали, там действительно напрямую мультипликаторы невысокие. То есть когда даем расклад, что даст как бы эффект для инфляции, что дает эффект для

роста ВВП, в краткосрочном плане наибольший мультипликативный эффект (ну, он, правда, не 0,3, он повыше) дают расходы на потребление, то есть мероприятия, связанные с зарплатами, пенсиями. Хотя они меньше единицы, в силу инфляции и в силу вклада импорта, потому что импорт на нефть реагирует чувствительно.

Но тут есть другой принципиальный момент. Вот когда мы считаем, особенно больше, правда, долгосрочный счет, для краткосрочного это не очень подходит, мы идем не столько от идеологии мультипликатора, сколько от, скорее, идеологии вклада некоторого структурного в экономический рост. То есть если у нас меняется... допустим, мы тратим деньги на образование и здравоохранение. То есть сами по себе эти расходы имеют и в международных оценках, и у нас маленький мультипликатор. Но когда меняется качество человеческого капитала, и мы закладываем это в гипотезу изменения производительности труда (то же самое по транспортной инфраструктуре), то в долгосрочном плане это эффект достаточно значимый. Ну, обычно мы там оперируем десятными процента – 0,3-0,4 процентных пункта в год, поэтому тут сложно сказать... То есть это эффект не краткосрочный. Но в долгосрочном плане это получается, скорее, такая вот дугообразная кривая: то есть вначале краткосрочный мультипликативный эффект, снижение, ну и затем все-таки эффект достаточно существенный. И это позволяло нам компенсировать в противном случае существенную тенденцию торможения роста из-за негативной демографической динамики и ресурсных ограничений.

Что касается примеров... Ну, я бы так сказал: как бы очень хороших примеров я, наверно, почти не знаю. Знаю отдельные примеры – отдельные примеры – в оборонно-промышленном комплексе, связанные с радиоэлектроникой, оптикой, фотоникой, в основном военного назначения.

Есть у нас такой Екатеринбургский электромеханический завод, он получает существенные деньги от государства, производит достаточно специфическую военную продукцию. Но они действительно вышли сейчас на рынок, поставляют в Германию, поставляют в российские регионы (правда, не смогли ничего поставить в Петербург и Москву) достаточно уникальные такие детские столики для детей при родах. Ну, не детские столики называются. Это столики для рождения ребенка, в том числе недоношенных, и всех. Потому что это уникальное устройство, очень сложное, компьютеризированное, с поддержанием особого микроклимата. Но поскольку Москва и Питер сидят на импортной технике, туда не поставляется, но устройства уникальные, поставляемые даже за рубеж. То есть такого рода отдельные примеры я знаю. Глобальных примеров, к сожалению, не так много.

Хотя опять же вот у нас куча анекдотов и притча во языцех – это то, что АвтоВАЗ, что ни сделаешь, будет там «Лада» и все. Но я считаю, что, на самом деле, из тех примеров санации в условиях кризиса предприятий, когда в АвтоВАЗ было влито примерно порядка 60 миллиардов рублей, сейчас они возвращены полностью, это пример действительно успешный. Потому что через год фактически предприятие восстановилось. И что важно, даже сейчас, несмотря на кризис, несмотря на то, что летом падение продаж большое, но это старые модели, они все-таки запустили новые машины. И что тоже важно, без этих денег все-таки вот этот альянс «Рено» – «Ниссан» не сформировался. Мы действительно получили как бы нового такого игрока международного с российским участием, который делает платформу не только для России, но и та же «Гранта» будет выпускаться на мировой рынок и разворачивать производство в Румынии. В этом смысле есть успешные примеры, хотя, естественно, неуспешных примеров тоже пруд пруди.

Гурвич. Спасибо, Андрей Николаевич. Тогда передаем слово Сергею Владимировичу. Пожалуйста.

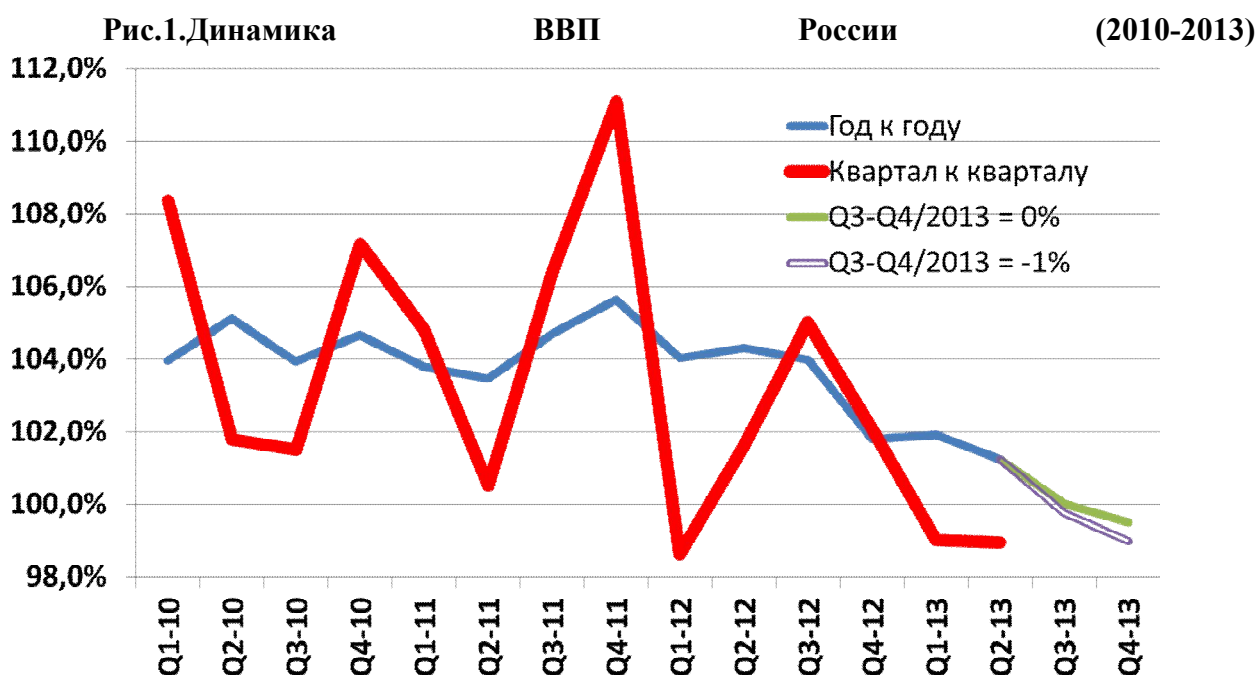
Алексашенко. У нас с Андреем Николаевичем, несмотря на нашу историческую дружбу, разные подходы к анализу любой проблемы. Он всегда говорит, что надо сделать, а я всегда говорю: нет, давай сначала разберемся, почему происходит то, что мы наблюдаем. Получается, что у меня аналитический подход, а у него здесь нормативный

подход. И поэтому он своё выступление посвятил тому, что надо делать или что правительство закладывает и от чего считает, жизнь в стране станет лучше. Я больше остановлюсь на причинах происходящего. Думаю, из будет понятно, что, по моему мнению, нужно делать. Я считаю, что если у человека аппендицит, а он говорит, что у него болит голова, и доктор его лечит от головной боли, то шансы на успех практически равны нулю. Хотя лечение от головной боли может быть вполне квалифицированным, профессиональным, со всеми необходимыми технологическими или медикаментозными решениями.

Если коротко отвечать на два вопроса, вынесенные в название сегодняшнего диспута, кто виноват и что делать, я бы дал такой же короткий ответ: дураки и дороги. Виноваты дураки, а делать – дороги.

Я сюда приехал с Валдая, где участвовал в Валдайском форуме. 440 километров. Туда ехал ночью на машине. Ночью дорога относительно хорошая по российским понятиям, занимает пять часов. То есть средняя скорость 88 километров в час, что, в принципе, нормально.. Обратная дорога заняла у меня семь с половиной часов. Та же самая дорога. Есть в Вышнем Волочке (чуть ближе к Москве, чем к Петербургу) такой светофор, который дорогу перекрывает. И вот машины стоят, пробка растягивается:, мне повезло – она была 12 километров, если бы вам не повезло, она может растянуться километров на 30. И говорят, что есть случаи, когда в этой пробке машины стоят по 8 часов. В такой ситуации затевать многолетнее строительство трассы Москва – Санкт-Петербург не совсем рационально. Гораздо более быстрый эффект в нашей экономике дает расшיתие узких мест, а не мегастройки и мегапроекты.

Начну с главного. Стагнация или все-таки рецессия? Я утверждаю, что у нас в стране рецессия, и в этом есть принципиальная разница. Либо у нас в экономике снижение темпов роста, но механизмы роста работают; либо у нас рецессия, т.е. эти самые механизмы роста не работают. Есть международно признанное «техническое» определение рецессии – это когда два квартала подряд экономика падает квартал к кварталу – *seasonally adjusted*, сезонно сглаженная. Для своего графика я использовал данные Росстата. Хорошо понимаю все претензии к Росстату по качеству сглаживания динамических рядов, у меня у самого к нему много претензий. Тем не менее, это официальное статистическое ведомство нашей страны – если оно не умеет делать правильно стандартные процедуры, то, как Правительство, вы не должны говорить о том, что вы с ним не согласны в методике. Принимайте кадровые решения. Так вот, Росстат заявил, что и в первом, и во втором квартале 2013 года в российской экономике было зафиксировано снижение ВВП. Примерно минус 1% в годовом выражении. В первом квартале чуть меньше 1%, во втором квартале чуть больше 1%.

Поэтому вывод первый: роста в российской экономике нет. Ни быстрого, ни медленного. У нас есть спад. Те цифры, которыми у нас сегодня так ловко оперируют министры экономики, финансов, премьер-министр, президент, - плюс 1,2%, плюс 1,6% и т.д. - это все год к году. А как экономисты вы должны хорошо понимать, что есть разница в том, как мерять рост – год к году или квартал к кварталу.

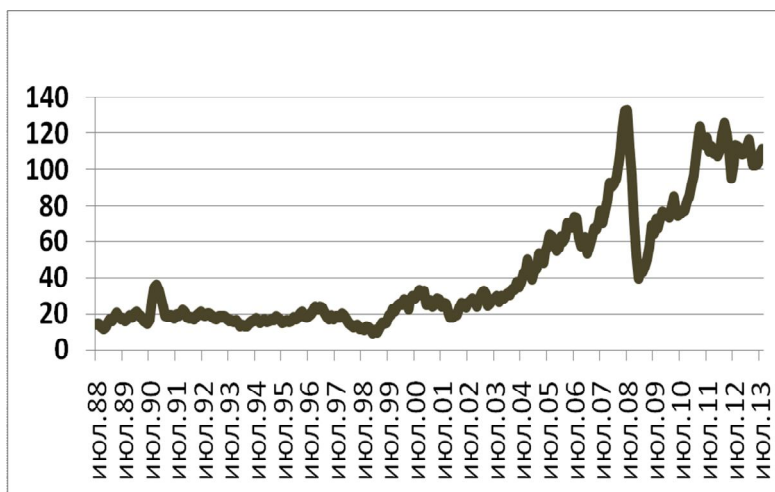
Если российская экономика «замрет» на уровне второго квартала этого года, то итоговый результат (смотрите «хвостики» на графике) составит минус 0,5%. А если скорость спада сохранится, то результатом 2013-го года станет минус 1%.

Для того чтобы перекалцифицировать состояние экономики от рецессии к фазе роста, нужно иметь, соответственно, два последовательных квартала роста. То есть если в третьем квартале будет плюс, а в четвертом будет минус, то у будет считаться, что российская экономика из состояния рецессии не вышла.

Кто виноват? Наиболее популярный ответ, который мы каждый день слышим от российских политиков (и сегодня, кстати, мы то же самое услышали от Андрея Николаевича, что там на внешних рынках плохо), – внешние факторы. Это у них там, на Западе, всё плохо, а у нас все хорошо. В принципе, ухудшение внешней среды вполне может спровоцировать ухудшение положения дел в российской экономике, и я предлагаю посмотреть на внешние факторы – это сырьевые цены, объемы экспорта и финансовые рынки.

Вот как, начиная с 1988 года, изменялась цена нефти – опоры российской экономики. Хорошо видно, что с 2010 года цены на нефть находятся в коридоре – 100-120 долларов за баррель. То они чуть выше, то они чуть ниже, но в этом диапазоне они сидят достаточно устойчиво. И нельзя сказать, что наблюдается какое-то их резкое падение, что ситуация на нефтяном рынке намного хуже, чем была три года назад, пять лет назад, нельзя. Все в порядке с ценами на нефть, и все в порядке с ценами на газ.

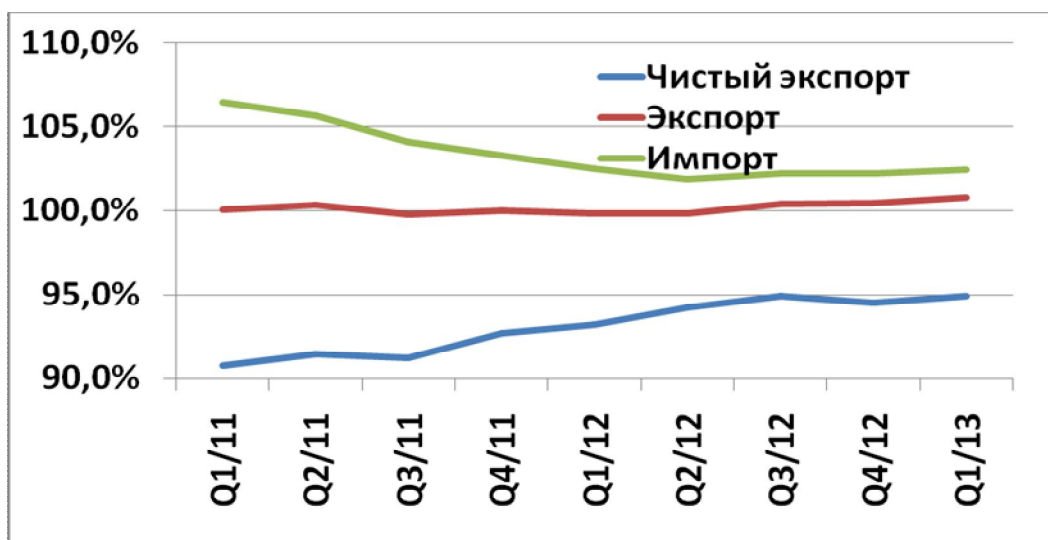
Рис.2. Динамика цен на нефть (1988-2013, \$/баррель)

Идём дальше. Стоимостные объемы экспорта углеводородов – нефти, нефтепродуктов и газа – также находятся в пределах коридора, который наблюдается в послекризисное время, начиная с середины 2009 года. Да, сегодня стоимостные объемы экспорта газа ближе к нижней границе коридора, но это связано не с внешней конъюнктурой, а исключительно с политическим фактором – с тем, что российское политическое руководство решило «наказать» Украину и поставлять ей газ по 400 долларов за тысячу кубометров. В результате Украина перестала покупать российский газ, и стала закупать газ в Европе, что её обходится дешевле. А «Газпром» потерял свои позиции на важнейшем экспортном рынке. От двух третей до трех четвертей падение продаж газа объясняется «фактором Украины», т.е. российскими внутренними причинами.

Нефть и нефтепродукты – это 50% российского экспорта, добавляем газ – получается две трети. Можно сколько угодно говорить о проблемах в угольной промышленности, что там цены упали вдвое, что там экспорт начал сокращаться. И это правда. Но уголь – это 5% или 6% российского экспорта. И даже 20%-25%-ное снижение экспорта угля не будет представлять серьезной проблемы для российского экспорта.

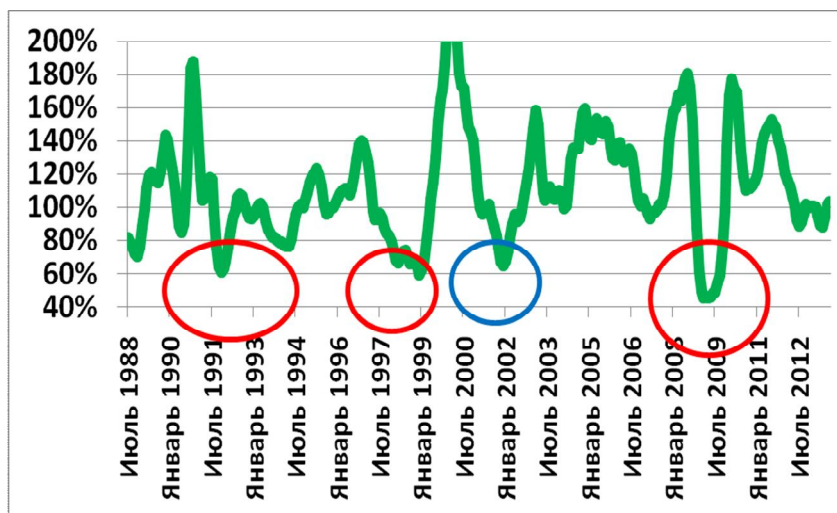
Рис.3. Динамика чистого экспорта России (2011-2013, сезонное сглаживание Росстата, фиксированные цены)

Сразу ответчу на потенциальный вопрос: а если будет падение нефтяных цен, что будет с российской экономикой? На графике показано, каким может быть падение нефтяных цен. Это скользящее сглаженное изменение нефтяных цен за последние 12 месяцев. Настоящее падение цен, которое вызывало серьезные кризисы в России, это

когда цены проваливаются в течение года на 40% или более. Такие моменты были в 1988, 1998 и 2008 годы - там падение нефтяных цен составляло около 40%, а в 2008 году еще больше. Таким образом, пока не было примеров того, что 10%-ное или даже 20%-ное падение нефтяных цен вызывало бы в российской экономике кризис.

Рис. 4. Изменение нефтяных цен за 12 месяцев (сглажено)

Более того, есть обратный пример: падение нефтяных цен на те же самые 40% в конце 2001 – в начале 2002 года, связанное со спадом в мировой экономике после террористических атак на Нью-Йорк, не вызвало кризиса в российской экономике. То есть было очень серьезное падение нефтяных цен, было замедление в американской экономике и в мировой экономике, а российская экономика как-то этого не почувствовала. Почему? - Факторы роста были другие, в этот период в России интенсивно наращивались физические объемы. С 1999 по 2003 год физические объемы производства нефти в России выросли на 50%, объемы производства всех видов металлов за тот же период, с 1999-го по 2003-й, выросли на 30-35%. Я называю этот эффект «плодами приватизации». Приватизация прошла в середине 90-х, частный капитал прошел через тяжелейший кризис 98-го, понял, что правила игры даже при смене правительства не меняются и начал интенсивно инвестировать в производство (конечно, не будем сбрасывать со счетов и влияние девальвации, которая дала такой существенный выигрыш всем экспортерам). Экономика быстро получила отдачу – плоды приватизации мы увидели в первой половине 2000-х годов.

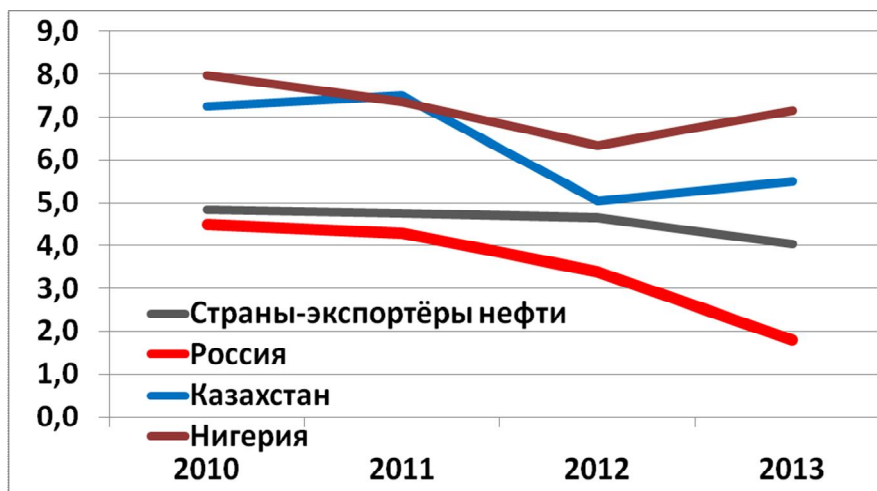
Поэтому далеко не обязательно падение нефтяных цен влечет за собой кризис в экономике.

Ещё один расхожий миф в российской экономической политике: Россия погрязла в сырьевой зависимости. Страну охватило ресурсное проклятье, и что именно это мешает российской экономике расти. Я посмотрел, а как себя чувствуют экономики других стран-экспортеров нефти. По классификации МВФ им помимо России насчитывается 21 (без учёта по понятным причинам Ливии, Сирии и Ирана). Ряд очень короткий: с 2010 по 2012 год – это фактические данные МВФ по росту ВВП, и 2013 год, кроме России, - это прогноз МВФ.

На графике среднее значение темпов роста в странах-экспортерах нефти – черная линия график – находится в диапазоне от 4% до 5%. У многих из них зависимость и бюджета, и экономики от нефти выше, чем у России. Посмотрите на Казахстан, который очень похож по структуре экономики на российскую: у него нет вот того машиностроения, которым мы так гордимся, у него нет оборонной промышленности, у него нет АвтоВАЗа, у него нет оптических производств, о котором говорил сегодня Андрей Николаевич – но у него, как у России, есть нефть, металлы и уголь. Вот ровно то

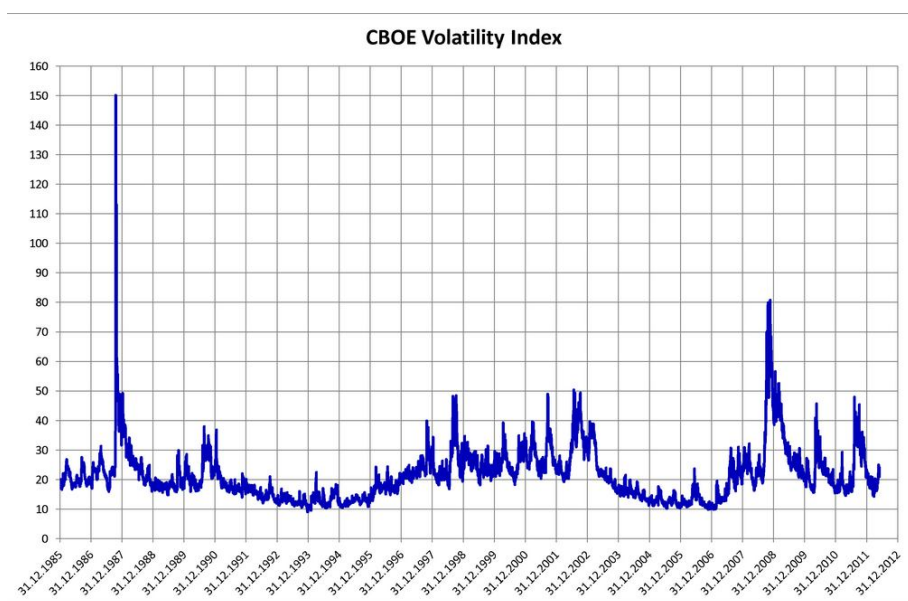
же самое... И сырьевой Казахстан растет с темпами между 5% и 6% в год. То есть делаем вывод - не в сырьевых ценах проблема. Нет сегодня ни падения нефтяных цен, которое могло бы сильно затормозить российскую экономику. И нет в мире такого всеобъемлющего ресурсного проклятья, которое заставляет сырьевые экономики страдать.

Рис.5. Темпы роста ВВП в России и странах-экспортерах нефти

Следующий внешний фактор, который стал одной из движущих сил кризиса 2008-го, состояние мировых финансовых рынков. Споры нет, рынки после последнего кризиса действительно стали более волатильными. На графике показана динамика индекса VIX - индекса волатильности Чикагской биржи. И что мы видим? Его «хвост» и правда, сильно волатилен, но по абсолютным значениям его величина в последние месяцы находится ближе к исторически минимальным уровням. То есть, да, мировые финансовые рынки, в общем, находятся в беспокойном состоянии, но текущий уровень настороженности финансовых рынков относительно того, что происходит в мировой экономике, находится на очень-очень низкой отметке.

Рис.6. Динамика индекса VIX (1985 – 2013)

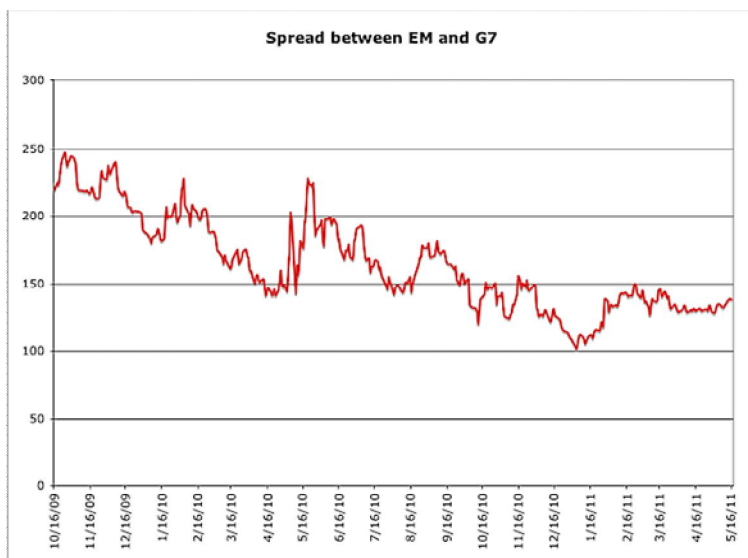

Хорошо, скажете вы, на глобальных рынках всё обстоит неплохо. А вот что происходит с развивающимися экономиками? Смотрим. Спреды развивающихся рынков в последние месяцы тоже снижаются, и тоже находятся на минимальных за последние

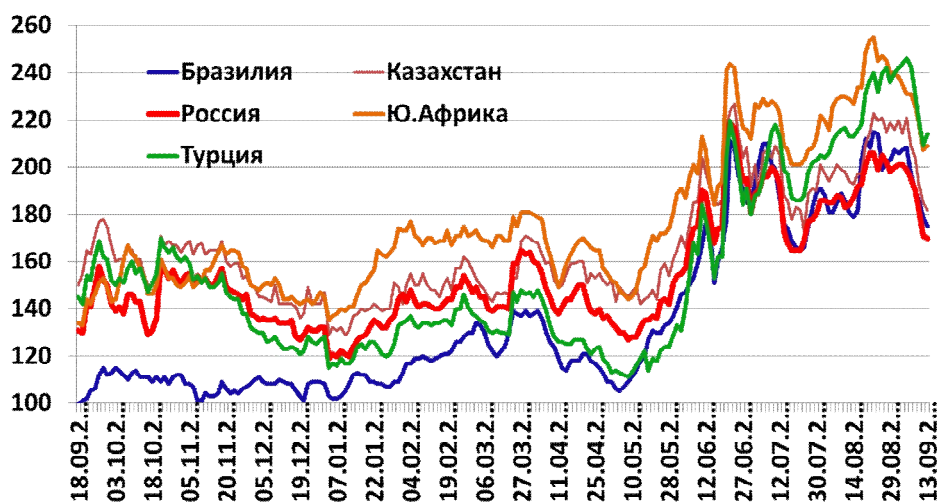
годы уровнях. И говорить, что капитал бежит из развивающихся рынков, нельзя. Напротив, в условиях крайне низких процентных ставок в развитых экономиках капитал интенсивно ищет более высокую доходность на развивающихся рынках и толкает доходности на них вниз.

Рис.7. Динамика спредов гособлигаций развивающихся экономик и стран G7 (Deutsche bank)

Более того, капитал в принципе, не отворачивается и от России. Если посмотреть на такой объективный показатель, как суверенные спреды по гособлигациям, то Россия выглядит очень даже хорошо. Российские гособлигации пользуются устойчивым спросом – вспомните, как неделю назад российский Минфин в один день привлек 7 млрд. долларов без какого-либо роуд-шоу, - инвесторы понимают, что при госдолге в 10% никаких проблем с российскими облигациями нет, их не сбрасывают, их не продают. Да, рынки акционерного капитала закрыты для российских компаний, но так это совсем другие риски – риски защиты прав собственности, риски коррупции. Но об этом позднее.

Рис. 8. Динамика спредов гособлигаций России и ряда стран

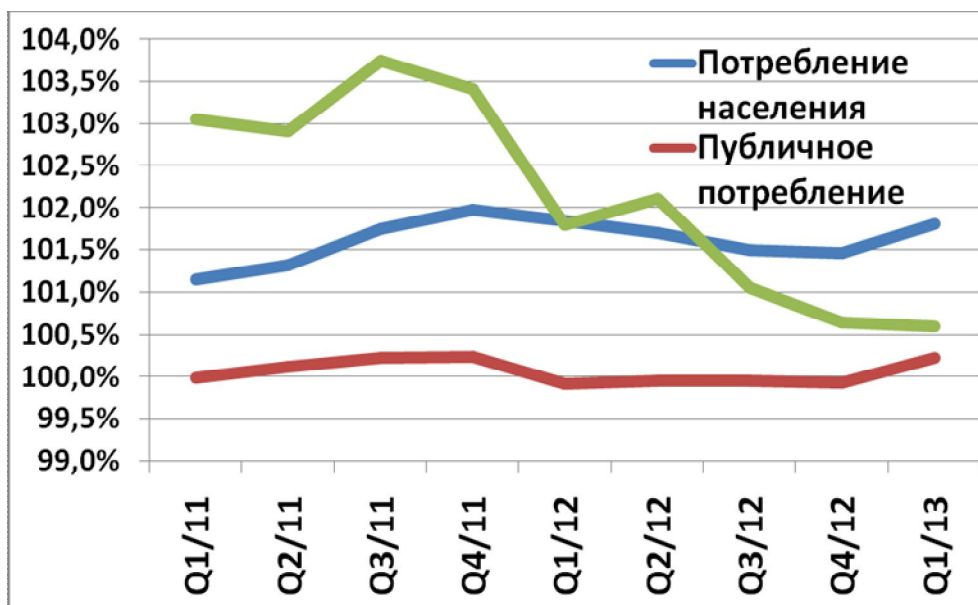

Подведём итог этой части. По моему глубокому убеждению, сегодня для России нет никакого ухудшения внешней ситуации - ни на сырьевом рынке, ни на финансовом. Поэтому все разговоры политиков о том, что вот именно внешние факторы являются причинами замедления роста российской экономики являются или заблуждением (под

воздействием непонятно кем и как поставляемой неадекватной информации), либо откровенным осознанным враньём.

Теперь давайте перейдём к внутренним факторам роста. Проще всего с населением. После кризиса оно ведет себя достаточно устойчиво. Да, темпы роста доходов и населения немножечко снизились, но пока население не очень замечает кризис, не реагирует на замедление экономики. В российской экономике сложились удачные «качели»: когда у государства нет денег, частный капитал повышает зарплаты, когда у частного капитала нет денег, государство повышает зарплаты и пенсии. И в целом доходы населения устойчиво растут. И разрыв в 6-8 процентных пунктов между темпами роста экономики и темпами роста доходов населения, доходов населения сохраняется. До кризиса экономика росла на 6-7% в год, а доходы населения росли на 12-14%. Сейчас экономика показывает минус 1%, а доходы населения - плюс 5%. Но, с другой стороны, хорошо понятно, что если доходы и расходы населения растут, а ВВП падает, то какие-то другие компоненты ВВП неизбежно должны сокращаться. При всей значимости 20%-го сокращения чистого экспорта – которое получается за счёт более быстрого роста импорта, т.е. не из-за сокращения внешнего или внутреннего спроса, - ключевыми факторами торможения экономики являются стагнация бюджетного спроса и снижение спроса инвестиционного.

Рис. 9. Динамика компонентов ВВП России по потреблению (2011-2013)

В принципе, я пока не испытываю особой тревоги в отношении задолженности населения перед банками. Мне кажется, это преувеличенная обеспокоенность властей. Темпы роста задолженности в этом году замедлились, частично, под влиянием более жёсткого регулирования со стороны Банка России, но, мне кажется, более значимым оказался эффект базы и экономически рациональное поведение населения, которое лучше оценивает свои риски и лучше понимает, сколько может брать в банках и как будет расплачиваться по кредитам. По крайней мере, вот каких-то больших проблем в этой ситуации я не вижу.

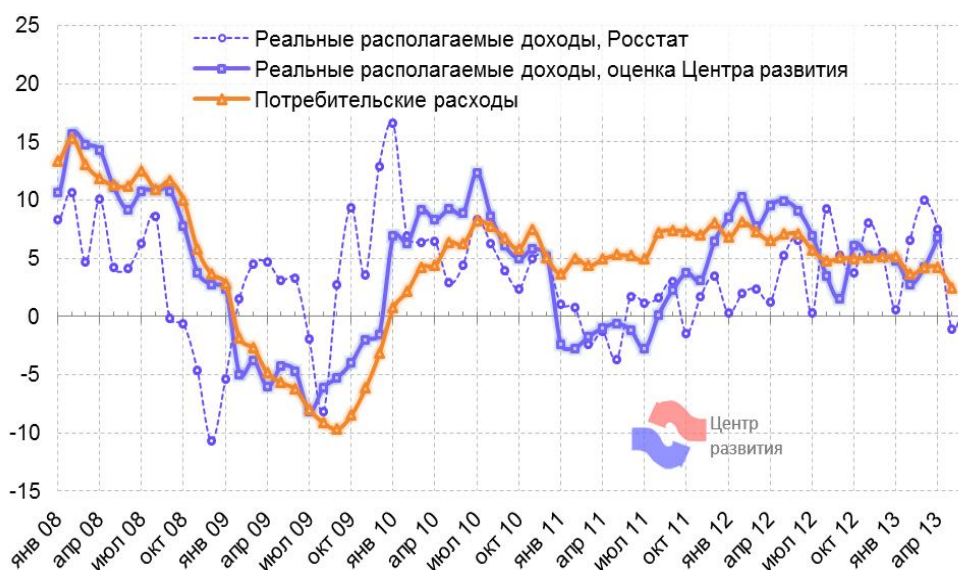
Темпы роста доходов населения постепенно снижаются, и хорошо бы понять, что будет дальше. С одной стороны, из-за того, что экономика замедляется, видимо, и доходы населения объективно будут расти медленнее. С другой стороны, в 2013 году рост доходов населения в основном подпитывался ростом бюджетных зарплат. А в 2014 году правительство собирается их заморозить. И я не уверен, что в падающей экономике у частного капитала найдутся деньги на повышение зарплат, чтобы компенсировать и обеспечить рост доходов населения. То есть механизм роста, опиравшийся на рост зарплат и рост кредитной задолженности, который работал в растущей экономике, в

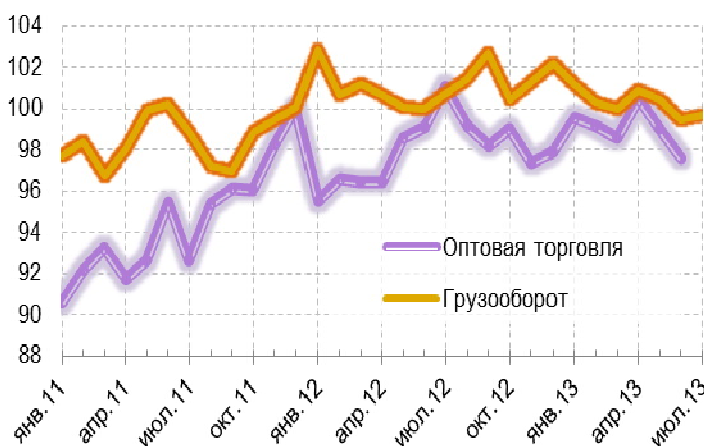
медленно растущей экономике и даже в замедляющейся экономике, в падающей экономике может начать давать сбои. И надежды на то, что за счет расходов населения наша экономика будет расти и дальше, для меня кажутся необоснованными.

Точно также как мне представляется необоснованной гипотеза Минэкономики, которая стала официальной частью прогнозов, что по непонятным причинам, российская экономика, которая полтора года замедлялась, в 2014 году вдруг начнет ускоряться. Конечно, всё бывает в этом мире, но, в данном случае, хочется понимать, что-то такое должно случиться, что развернёт нисходящий тренд. На мой прямой вопрос, скажите, что? – правительство молчит, как партизаны при допросе. К сожалению, не услышал я ответа на этот вопрос и от своего сегодняшнего оппонента. Все прогнозы строятся на словах «мы уверены». А вера, как известно, не подлежит проверке на устойчивость со стороны реальности....

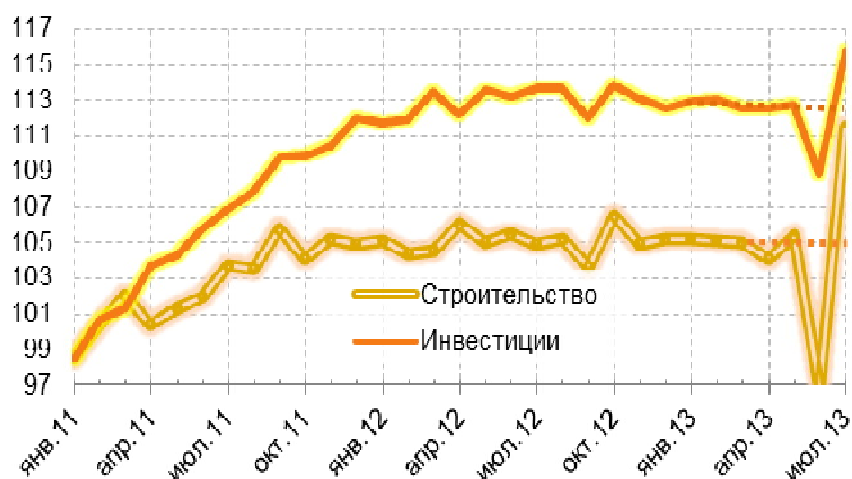
Рис. 10. Динамика доходов и расходов населения

Рис. 11. Динамика оптовой торговли и грузооборота транспорта

Рис. 12. Динамика строительства и инвестиций

В российской экономике уже год стагнирует реальный сектор. Когда вы смотрите на динамику промышленного производства, оптовой торговли, грузооборота, строительства, то ростом это назвать нельзя. Более того, сегодня очень чётко можно идентифицировать те сектора, в которых фиксируется абсолютное снижение по динамике. И именно эти сектора являются ключевыми для экономического спада. Ядро замедления – это несырьевой обрабатывающий сектор, это снижение инвестиций и, как следствие объемов строительства.

Крайне тревожным симптомом, на мой взгляд, является, нежелание реального сектора брать кредиты. Если вы вслушаетесь в то, что говорится на всевозможных банковских форумах, то услышите, как предприятия в один голос говорят, что «нас останавливает ставка кредита». Но вместе с этим у предприятий реального сектора очень быстро растут остатки денег на счетах, а прирост кредитов реальному сектору практически остановился. И это означает, что реальный сектор в целом, как совокупность, не считает необходимым брать деньги в долг, а, собственно, без кредита и без инвестиций экономика расти не может.

У замедления российской экономики, на мой взгляд, есть одна субъективная экономическая причина, лежащая в плоскости экономической политики, о которой Андрей Николаевич сказал, но очень мягко. Я выражусь достаточно жестко. Я считаю, что у нас «дураки» проводят курсовую политику. «Дураки», безусловно, в кавычках – nothing personal, just business. Я говорю, о сохранении стабильности номинального курса рубля при одновременной опережающей индексации цен и тарифов естественных монополий. Россия, начиная с 2005-го-2006-го, - это яркий пример того, как неправильно проводить курсовую политику. У нас до этого года (в 2014-м это остановится) шла постоянная индексация тарифов на энергию, на газ, на транспорт, на электроэнергию. Инфляция цен производителей за 2009-2012 годы оставила 42%. Стоимость товаров и услуг естественных монополий выросла процентов на 70. (Более того, до недавнего времени в планах правительства стояло сохранение 15%-ной индексации цен на газ еще на протяжении как минимум, трех лет). И при этом курс рубля к бивалютной корзине сохранялся, практически, на одном уровне. Это означает, что издержки российских компаний в валютном выражении существенно выросли, и хорошо понятно, что стало с их конкурентоспособностью.

Я считаю, что непонятно у кого в голове родившаяся идея, и непонятно, для чего реализованная, - выровнять внутренние и внешние (европейские) цены на газ с разницей на экспортную пошлину и транспортные расходы, - нанесла огромный вред российской экономике, подорвала многие стимулы роста и развития. Посмотрите, что делают американцы, которые (п историческим меркам) мгновенно вывели огромные объемы сланцевого газа на внутренний рынок: они запрещают экспорт своего газа, они запрещают экспорт американской нефти. Цены на газ в США осознанно удерживаются на уровне ниже европейских в несколько раз. Америка превратилась из импортера газа практически

в страну с избытком газа, привело к тому, что у них за последние три года порядка 50 миллиардов долларов было вложено в реальный сектор, в предприятия с относительно высоким потреблением энергии, и у них создано порядка двух миллионов рабочих мест в других секторах. То есть бизнес, когда ему правительство обещает сохранение низких энерготарифов, цен на газ, на энергию, – он реагирует очень быстро.

А вот Россия сделала все по-другому. Она зафиксировала рубль, пользуясь огромным положительным сальдо текущих операций, и одновременно подняла издержки для всего реального сектора, который должен конкурировать внутри страны, или вне страны – не важно. Я постоянно встречаю руководителей крупных и средних предприятий, которые «воют» от такой политики, говоря, что она убивает все стимулы к росту эффективности. Убивает все инвестпроекты на стадии рассмотрения бизнес-плана, как только ты в него закладываешь пресловутую опережающую индексацию.

Этот негативный фактор играл мощную тормозящую роль на протяжении всего посткризисного периода, и, с моей точки зрения, явился одной из значимых причин замедления роста экономики. Сегодня, с одной стороны, угроза продолжения такой политики несколько ослабла. Индексация остановлена (хотя бы на год), сальдо текущих операций сбалансировалось и исчезло стабильное превышение предложения валюты над спросом на нее на внутреннем валютном рынке. Но, с другой стороны, произошла смена руководства Центрального банка, и новая команда – то ли из собственного страха перед ослаблением рубля, то ли по причине команды «сверху» о недопустимости «раскачивать лодку» в это непростое время – проводит еще более странную политику: ежедневно продает (пусть и в не очень существенных объемах) валюту на рынке и укрепляет курс рубля. При сохранении высокой инфляции. Со среднегодовой инфляцией в 2012 г. на уровне 5,1%, Россия занимала 91-е место в мире по этому показателю. А с текущими 6,5%-ми скатилась бы на 108-е.

Собственно, в этом вопросе я полностью солидарен с Андреем, когда он говорит, что с курсовой политикой и с платежным балансом нужно делать то же самое, что делается с доходами бюджета и с Резервным фондом. Нужен тот же самый adjustment с точки зрения состояния предложения валюты на внутреннем рынке.

Андрей Николаевич упоминал здесь хороший пример АвтоВАЗа, как локомотива роста в посткризисный период - я абсолютно согласен с такой оценкой, только нужно сказать, что не типичное государственное предприятие. Да, контролирующим акционером до недавнего времени оставался «Ростех», но своими правами и возможностями эта госкорпорация не пользовалась. Ровно потому, что там был новый, приходящий на смену, контролирующий акционер, альянс «Рено-Ниссан», которому были предоставлены фактически равные с «Ростехом» права в управлении предприятием. Даже когда альянс имел там 25%-ый пакет, он играл роль лидера.

Андрей прав, когда говорит о том, что государство там дало предприятию 60 миллиардов рублей (которые, кстати, не возвращены; государство дало их Ростеху в капитал, а Ростех дал кредит АвтоВАЗу на 30 лет – то есть по возвращении эти деньги достанутся не государству, а Ростеху). Но деньги эти АвтоВАЗом были использованы не на развитие, не на инвестиции, а, главным образом, на погашение кредитов государственным банкам: Сбербанку, ВТБ, Газпромбанку. А кредиты эти были взяты в 2007-2008м, когда АвтоВАЗ находился под управлением Ростеха, и когда каждый проданный автомобиль приносил 1000 долларов убытка (которые, скорее всего, были чьей-то прибылью). То есть, вот тогда, в 2007-2008-м АвтоВАЗ был «нормальным государственным предприятием». И выведено предприятие из кризиса было благодаря двум людям: ставшему во главе компании Игорю Комарову (выпускнику экономфака 1986-го) и ... Президенту Владимиру Путину, который, фактически, против солидарной позиции правительства принял решение о выделении средств на спасение АвтоВАЗа. Вот что произошло в Тольятти. Я считаю, что спасение АвтоВАЗа является выдающимся бизнес-кейсом, наравне со спасением американского автопрома.

Я не знаю, видел ли Андрей Николаевич или не видел – АвтоВАЗ примерно полгода назад подготовил презентацию о результатах постановки на производство «Лады Ларгус». Когда этот проект запускали, то планировались продажи этого автомобиля в Европе, потому что его цена получалась на 20% ниже европейских аналогов. Прошло три года, проект запустили, и выяснилось, что цена Ларгуса стала на 15% выше цены тех самых аналогов. Ровно за счет этого фактора, о котором мы говорили – индексация цен и тарифов при стабильном курсе рубля.

Я думаю, что очень многие российские бизнесмены сталкивались с подобной ситуацией. И подозреваю, что это у многих отбивает охоту к новым инвестициям.

И теперь снова к вопросу – почему же в российской экономике начался спад? Пора уже давать ответ (регламент!).

Две недели назад был опубликован очередной рейтинг конкурентоспособности Всемирного экономического форума, где Россия гордо сдвинулась с 67-го места на 64-е. Но если посмотреть вглубь этого индекса (благо ВЭФ дает много информации) и скорректировать его на первое место России в мире по влиянию малярии на бизнес – ну нет у нас малярии, повезло! (*Смех в зале.*) А еще «забыть» на время о седьмом месте по фактору «размер рынка» - страна большая, населения много, и по объему ВВП Россия входит в семерку крупнейших стран, - и сделать скидку на такой фактор, как унаследованная от Советского Союза система железных дорог, то Россия откатилась бы с 64-го места куда-нибудь ближе к 80-му.

В этой таблице показаны те составляющие рейтинга ВЭФ (и место России в этих под-рейтингах), которые непосредственно влияют на мотивацию бизнесменов при принятии решений: инвестировать или не инвестировать? Все эти составляющие рейтинга говорят о взаимоотношениях власти и бизнеса, о том насколько «окружающая среда»

Таблица 1. Место России в под-индексах Индекса Глобальной Конкурентоспособности ВЭФ, 2013

- 133 – защита прав собственности
- 132 – защита прав меньшинств
- 109 – коррупция
- 119 – независимость судов
- 120 – тяжесть государственного регулирования
- 118 – эффективность правовой системы для разрешения споров
- 120 – эффективность правовой системы для споров с регуляторами
- 122 – возможность положиться на полицию
- 125 – влияние налоговой политики на склонность к инвестированию
- 122 – влияние налоговой политики на склонность к работе
- 112 – способность страны удерживать таланты
- 97 – способность страны привлекать таланты

позволяет бизнесу рассчитывать на то, что он может заработать и сохранить заработанное. Бизнес, в некотором роде, – существо примитивное. В том плане, что бизнес стремится исключительно к зарабатыванию денег. Бизнес-проект, который не обещает достаточно высокой нормы прибыли, не имеет права на существование. Если деятельность компании приносит убытки, то это не бизнес, а альтруизм. Государство может тратить деньги в своих проектах, может не думать о возврате инвестиций и их

эффективности, а вот – бизнес себе этого позволить не может. Бизнес должен зарабатывать. А для того чтобы зарабатывать, бизнесу нужно постоянно инвестировать. Потому что только инвестиции могут создать тебе конкурентные преимущества, за счет которых ты заработаешь больше, чем конкуренты, за счет которых ты обыграешь их на рынке.

Экономика, в отличие от бизнеса, более сложное и странное существо, но нет такой страны, в которой экономика может расти без постоянной подпитки инвестициями. Для того чтобы экономика росла, нужны постоянные инвестиции, которые в случае догоняющего роста должны расти быстрее, чем растет экономика. Российская экономика попала в «обратную спираль»: начиная с 2012 года начался спад в инвестициях, и вслед за этим началось замедление темпов роста экономики; замедление экономики ведет к снижению прибыли и налогов, следовательно, на следующем витке и у государства, и у бизнеса образуется меньше ресурсов, и ни еще больше сокращают свои инвестиционные планы. Тем более, что государство решило «рывком» поднять зарплаты в бюджетном секторе, что заставляет региональные бюджеты сокращать прочие расходы, первыми из которых являются инвестиции. И этот процесс продолжается – дальнейшее снижение инвестиций и дальнейшее снижение темпов роста экономики.

В такой ситуации, когда я слышу, что правительство прогнозирует ускорение роста в следующем году – чего мне, как гражданину страны очень бы хотелось – я понимаю, что единственный фактор, который сможет обеспечить рост экономики, – это изменение психологии бизнеса. Когда бизнесом овладеет желание инвестировать. А не уводить капитал из страны. Отток капитала – это нежелание бизнеса инвестировать. Потому что когда Россия занимает 133-е место по защите прав собственности, 120-е место по эффективности правовой системы для споров с регулятором, 122-е по возможности положиться на полицию – нужно быть очень отважным и смелым, чтобы вкладывать свои ресурсы в эту экономику. А современному бизнесу в глобальном мире все равно, где вкладывать деньги. Он может вкладывать деньги в России, а может вкладывать деньги в Камеруне. И вот сегодня он выбирает Камерун и Албанию, понимая, что в России сегодня слишком большие риски, которые дополняются слишком большими транзакционными издержками (читай, коррупцией и рэкетом).

И самый последний тезис. Российскому политическому руководству не хочется признавать реальные причины торможения экономики, реальные причины начавшегося экономического кризиса. Но экономистам должно быть понятно, что в нынешних условиях бессмысленно требовать от Министерства экономики разработать меры по ускорению роста. Бессмысленно требовать от Минфина смягчить бюджетную политику, потому что бюджетные средства все равно разворуют или вложат в бессмысленные проекты. Бессмысленно снижать процентную ставку Центрального банка, потому что она сегодня определяет стоимость денег для реального сектора, а та «плата за риск», в которую банки включают и коррупцию, и слабость судебной защиты прав собственности. Причины замедления российской экономики – находятся в сфере политики. Отсутствие независимого суда, правоохранительные органы, органы, которые вместо того, чтобы охранять право, закон, обеспечивать равенство всех перед законом, гордо оправдывают данное им прозвище «силовики» – все это ведет к незащищенности прав собственности. И решение этих проблем лежит в политической плоскости. Это – политические вопросы, и они даже не находятся в сфере ведения премьер-министра и правительства Российской Федерации. Они находятся в сфере ведения президента Российской Федерации.

А от президента я пока не слышал такой постановки вопроса. Более того, я не слышал такой постановки вопроса и от наших экономических министров. А если мы говорим, что у нас болит голова, и лечим у больного аппендицит, то я боюсь, что успеха мы не достигнем ни в 2014 году, ни в 2015. Спасибо.

Гурвич. Спасибо, Сергей Владимирович! Андрей Николаевич, два коротких вопроса, пожалуйста.

Клепач. Все-таки по инвестициям. Сейчас сразу не посчитаю, но несмотря на то, что за восемь месяцев у нас инвестиции сократились на 1,3, по крупным предприятиям сократились примерно на 5%, а если брать Газпром, то так вообще на 30%, – на самом деле, в отличие от того, что складывается впечатление, инвестиции частного бизнеса, это химия, розница, как ни странно, производство машин и оборудования – оно выросло. Примерно процентов на 9-10. И так же было, кстати, в прошлом году. Вот почему? Почему частному бизнесу, в отличие от Газпрома, политика не мешает? Это первый вопрос.

А второй вопрос – все-таки Вы считаете, что бюджетные правила необходимо сохранять в том виде, как оно есть, или оно требует существенного изменения?

Алексашенко. Когда я говорил о претензиях к Росстату – у меня, как и у многих людей, кто работает с цифрами, - в части инвестиций претензии самые большие. Больше проблем, чем со статистикой инвестиций, наверно, только со статистикой запасов. Которая вообще отсутствует.

Я доверяю статистике Росстата относительно инвестиций крупных предприятий, по крайней мере, тому тренду, который Росстат показывает. Эти минус 5% – кажется, похожи на правду. А вот в том, что касается инвестиций мелких предприятий, которые оцениваются непонятным образом, то здесь сразу же возникают сомнения. Смотрите: доля инвестиций крупных предприятий – примерно 60%; если они сократились на 5%, то чтобы получить минус 1,8% по всем инвестициям, то инвестиции малых предприятий должны были бы вырасти на 7,5%. Не могу в это поверить, хотя бы потому, что за год самоликвидировалось 500 тысяч индивидуальных и малых предприятий.

Я понимаю, почему химики активно инвестируют. Химики выиграли от присоединения России к ВТО. Я понимаю, почему металлурги вкладываются. Потому что они тоже выиграли от вступления России в ВТО. Если химики и металлурги не будут обновлять свои технологии, они потеряют место на рынке. Рынки слишком конкурентные. Почему они вкладывают. А Газпром не вкладывает потому, что на телевидение, хоккей и футбол деньги уходят.

Газпром может и должен вкладывать в развитие больше, но это невозможно, если у него газопровод стоит в три раза больше, чем такой же, построенный частной компанией. Частная компания не может себе позволить построить к саммиту АТЭС газопровод с Сахалина во Владивосток, который стоил восемь миллиардов долларов. Который был учтён в статистике инвестиций и в статистике ВВП. Только газ по этому газопроводу не идет. Выяснилось (совершенно неожиданно), что в городе Владивостоке нет газораспределительных сетей. Их никогда там не было. А все прожекты о том, чтобы этот газ шёл в Китай, пока так и остаются прожектами – с Китаем никак не удаётся договориться о цене. Вот в результате труба есть, а смысла от нее никакого нет. Может, оно и хорошо, что Газпром инвестирует меньше?

Второй вопрос, про бюджетное правило. Я в принципе считаю, что смягчение бюджетной политики бессмысленно при слабых институтах и при нынешнем уровне бюджетного воровства. Оно (смягчение бюджетной политики) бессмысленно в том случае, если эти деньги пойдут на финансирование программы вооружений. Я считаю, что программа вооружений – это один из наиболее бессмысленных экономических проектов с точки зрения будущего нашего государства. Это огромные деньги. Опять будет, конечно же, оказан эффект на динамику ВВП в каждый конкретный год, но никакого последующего эффекта для экономики не будет вообще.

Я считаю, что у политического руководства страны существует очень жесткий подход к бюджетному дефициту. Это результат кризиса 1998 года. Это одна из тех парадигм, которая засела в головах у начальников – бюджетный дефицит привел к кризису, поэтому дефицита быть не должно. Это очень жесткая позиция, посмотрите – при всех тяжелейших дебатах при планировании бюджета политическое руководство готово сокращать все что угодно, но при этом не готово увеличивать бюджетный дефицит.

С моей точки зрения, и я об этом уже и пару лет назад говорил – что я не вижу ничего страшного в том, чтобы бюджетный дефицит в России увеличился до 2-3% ВВП. Если не будет бюджетного воровства. В принципе, если каким-то образом добиться, что уже сегодня не будет бюджетного воровства, то уже сегодня у бюджета будет больше денег. А в нынешней ситуации практика показывает, что увеличение денег, которые распределяются бюджетами, ведет только к большему хищению.

Поэтому в принципе не вижу никаких проблем с тем, чтобы на горизонте трех, четырех, пяти лет бюджетный дефицит составлял 3% ВВП. Потому что при быстрых темпах роста экономики и 10%-ным (к ВВП) госдолгом проблем с устойчивостью бюджета не будет. Но считаю, что это не то лекарство, которое сегодня нужно российской экономике .

Гурвич. Спасибо, Сергей Владимирович. Мы переходим к следующему этапу – к вопросам. У меня просьба – поднимите, пожалуйста, руки, кто хочет задать вопрос, чтобы представить себе, много ли их будет. Ну, не так много, как мы боялись. Но тем не менее. Значит, мы ратионуем. Обычно мы разрешаем два вопроса, но сегодня – по одному вопросу. Поэтому, пожалуйста, вот самый-самый главный, без которого нельзя будет нам разобраться в вопросе, который мы вынесли. Пожалуйста, давайте еще раз, поднимайте руки, кто? Пожалуйста, представляйтесь.

Полякова. Добрый день! Меня зовут Юлия Полякова, я журналист, представляю портал Банки.ру. Вопросы к спикерам (извините за сленг) по поводу оттока капитала. Хотя звучало это в ваших выступлениях, но хотелось бы уточнить ситуацию. Именно о причинах этого оттока, как вы относитесь к методике вообще определения оттока капитала, которая применяется, допустим, у того же Центробанка, и, собственно, есть ли действительно какие-то предпосылки к тому, что ситуация будет меняться? Ну, по вашему мнению, естественно. Спасибо.

Гурвич. Хорошо, но только давайте не такие фундаментальные, как методика. Эта методика, по-моему, долго еще *. Дальше, пожалуйста.

Юдина. Полина Юдина, экономический факультет. Вопрос к обоим докладчикам. У вас мало была затронута тема ВТО, и только вот в последнем... Только в ответах... У вас не прозвучала тема ВТО. А не считаете ли вы, что важнейшей, если не главной, причиной реального спада производства, о котором вы справедливо говорите, является именно вступление России в ВТО?

Хубиев. Хубиев, экономический факультет, профессор. Вопрос Сергею Алексашенко. Была сказана в Вашем докладе очень важная вещь – Вы критиковали выравнивание цен на наши ресурсы на внешнем рынке. Приводили в качестве примера сохранение относительно низких цен на газ в Соединенных Штатах Америки. Если я Вас правильно понял. А можно ли полагать отсюда – Вы делаете вывод о том, чтобы мы в своей политике тоже придерживались бы такого двойного ценообразования, чтобы свое ресурсное преимущество обратить в преимущество промышленности, сельского хозяйства и т.д., за счет относительно более низких цен? Если Вы ответите на этот вопрос положительно, то как нам тогда согласовать такую экономическую модель с требованиями ВТО и вообще с духом Вашего подхода к экономической политике, где такого рода регуляторы, по-моему, Вы не очень жалуете? Всё, спасибо!

Гурвич. Вопросы покороче, пожалуйста, задавайте. Чтобы это не превращалось в выступления.

Журавлев. Андрей Журавлев, рейтинговое агентство «Рус-Рейтинг». Скажите, пожалуйста – вопрос к обоим оппонентам. Друзьям. Скажите, пожалуйста, на трехлетней временной перспективе как, вам кажется, будут обстоять дела с банковским кредитованием юридических лиц (корпораций, компаний)? Я имею в виду, с точки зрения спроса на кредиты и с точки зрения склонности банков кредитовать, и имею в виду не только инвестиционные *. Спасибо.

Покрытан. Покрытан Павел Анатольевич, экономический факультет. Вопрос к Клепачу Андрею. Вы представили модель цикла. Я знаю промышленный, я знаю экономический, я знаю бизнес-цикл, и я знаю их авторство, кто их создал. Кто автор этого цикла? Спасибо.

Агапова. Агапова Татьяна Анатольевна, профессор. Скажите, пожалуйста, в описанной ситуации постепенное обесценивание рубля может ли оказать стимулирующее воздействие на экономический рост? С вашей точки зрения. Спасибо.

Пестова. Анна Пестова, Высшая школа экономики, ЦМАКП. Вопрос к Сергею Алексашенко. Скажите, Вы диагностировали рецессию в российской экономике – удалось ли ее предсказать при помощи опережающих индикаторов Центра развития? Если нет, то почему? Спасибо.

Ермолаев. Вопрос к Сергею Владимировичу. Ермолаев Сергей Анатольевич, Российский экономический университет им. Плеханова. Если главная причина рецессии – качество институтов, то можем ли мы утверждать, что оно резко ухудшается в последние два-три года? Либо просто количество стало переходить в качество?

Владислав. Горлачев(?) Владислав, * экономика. Вопрос тоже к Сергею Владимировичу. Вопрос такой – если у нас 40% фактическая ревальвация(?) рубля, если у нас материально-технические преимущества и если мы ничего не делаем для того, чтобы отстаивать нашу долю на рынках и говорим, что пусть оно плывет само, то почему бороться нужно с институтами, а не с теми проблемами? Последний слайд. Первые все слайды были посвящены тому, в чем у нас проблемы: фактическая ревальвация(?), соответственно, потеря доли на рынке, отсутствие защитных мер. При этом бороться Вы предлагаете с институциональными проблемами, которые у Вас были на последнем слайде.

Алексашенко. Вы, видимо, не очень внимательно слушали, что я говорил.

Гурвич. Ладно, Сергей, когда отвечать *.

Карпов. Денис Карпов, программист. Вопрос к Андрею Николаевичу. На графике в начале презентации прогнозные кривые имели *ную форму. Чем объясняется переход к росту и также выход на пологий рост? Также Вы упомянули несколько, я думаю, развилок сценариев. Где это на графиках?

Михайлова. Добрый вечер! Меня зовут Алла(?) Михайлова, я студентка Российской академии народного хозяйства и государственной службы. У меня вопрос к обоим спикерам. Как вы считаете, не запоздало ли государство с инвестированием в инфраструктуру, то есть те самые дороги, и не было ли ошибкой вот это собирание в «кубышку», в этот Резервный фонд? И когда их все передербанили(?), и когда они уже закончились, не зашла государственная политика в сфере развития экономики вообще в тупик?

Кулев(?). Кулев(?), профессор экономического факультета. У меня есть такой «экзотический» вопрос к Андрею Николаевичу. Андрей Николаевич, вот в мире сейчас, в мире последние два-три года в экономической теории и практике что-то меняется. Вот, например, в прошлом году была крупнейшая конференция ООН, и все страны мира, в том числе и Россия, признали необходимость перехода к «зеленой» экономике. Если мы хотим вступить в ОЭСР, то они нас не пускают без реализации приоритетов «зеленого» роста. Вот для России это совсем какая-то такая непонятная экзотика, или все-таки мы попытаемся учесть вот такой мировой тренд? Ну, и в заключение вопроса такая вот, что родной факультет экономический поддерживает все эти новые явления – у нас будет во вторник один из ведущих экономистов-экологов Германии, лауреат экологической премии, так что во вторник, в 6 вечера будет * вот такая презентация. Спасибо.

Вопрос. * Институт развития(?) энергетики и финансов. У меня вопрос к обоим спикерам. Все-таки как можно менять институты, есть ли какой-то рецепт, эволюционный, революционный? Если эволюционный, то какой должен быть срок? Если

революционный, то насколько же там? То есть * поработала, а сейчас в какой-то степени откатывается назад.

Курляндская. К Андрею. А, Галина Курляндская, директор Центра фискальной политики. Есть такой феномен – когда смотришь, оцениваешь объем государственных инвестиций по отчетности Казначейства, то он оказывается достаточно, существенно больше, чем статистические данные. Когда мы стали разбираться, оказалось, что Казначейство учитывает инвестиционные * расходные, как львиную долю * взнос в уставной капитал предприятий. А когда на выходе уже, то есть действительно они инвестировали или нет, то статистика фиксирует то, что они реально инвестировали эти деньги или нет. И вот оказывается этот разрыв. Инвестируют они реально гораздо меньше, чем то, что государство считает, что оно инвестирует. То есть эти деньги идут, скорее всего, на повышение там зарплат, или там нужды по решению совета директоров. Вот насколько, вы считаете, эффективными являются такие государственные инвестиции?

Муж. * Институт проблем управления. Евсей Томович! Согласно 29-й статье 2-й главы Конституции, «Свобода слова», два вопроса я задам. Коротких, коротких!

Гурвич. Нет-нет-нет!

Аузан. Свобода слова регулируется *!

Гурвич. Согласно Конституции все равны. Мы не можем всем дать по два. Пожалуйста.

Муж. Ну, ладно. Тогда я один Сергею Владимировичу вопрос. Вот не считаете ли Вы, что привлекательность банковской сферы России для зарубежных инвесторов определяется тем, что у нас плохой контроль за бюджетными средствами, а государственно-частные партнерства превращаются в приватизацию прибыли и национализацию издержек?

Сергей. Я присоединяюсь тоже к предыдущему вопросу. Может быть, его акцентирую. Шаршуков(?) Сергей *. Как вы видите, все-таки горизонт *? Вот эти причины, которые обозначали – их решение. В какой обозримый период *?

Сергей. Чернавский(?) Сергей. У меня к Сергею Владимировичу вопрос. Сергей Владимирович, скажите, пожалуйста, вот если рассматривать степень вины – Вы показали на последнем слайде совершенно кошмарную институциональную картину, на самом деле, – вот можно ли, могли бы Вы разделить примерно, Ваши ощущения, насколько в этой институциональной картине виновато политическое руководство, в процентном отношении, приблизительно, и насколько виноват здесь сам народ? (*Смех, аплодисменты.*)

Аузан(?). Народ России во всем виноват!

Морозов. Морозов *. Советски й анекдот. Генеральный секретарь Леонид Брежнев и президент США Картер сидят, разговаривают: «Надо было разоружаться». – «Надо было вооружаться». – «Надо было разоружаться». – «Надо было вооружаться». Входит китаец, звенит ключами и говорит: «По камерам». Вопрос обоим докладчикам – насколько вам кажется аналогия с нашей сегодняшней дискуссией?

Реплика. Кого в камеру!

Жен. *, МГУ. Первый вопрос – к Андрею Николаевичу.

Гурвич. Не первый! С одного.

Жен. Я хотела бы узнать, почему у нас неизменно из всех сценариев реализуется худший? (*Смех, аплодисменты.*) Зависит ли это от качества прогнозов или от качества исполнения этих прогнозов? Это один вопрос. Второй...

Гурвич. Нет, извините, по одному. Пожалуйста, дальше.

Ольга Петровна. Чайфуллина(?) Ольга Петровна, экономический факультет. Я понимаю – наверно, у меня все-таки к Андрею Николаевичу вопрос. Скажите, пожалуйста, как наше вообще правительство и органы управления видят процесс развития, в чьих руках? То есть мы поняли, что государство у нас в этом отношении

бесперспективно, да? То есть его расходы, мультипликатор его расходов практически, так сказать, не является существенным, значительным, и по расчетам, не по умолчанию – затухающий эффект. А вот с точки зрения акторов экономики? Все же бизнес – он у нас очень разный: крупный, средний, мелкий. В нормально развитой рыночной экономике, ну, или в экономике смешанного типа ведущую роль в развитии экономики играет все-таки мелкий и средний бизнес. Вот будущее развитие России-то мы видим в чем? Все-таки. Правительство наше. Куда мы собираемся, что стимулировать-то? Крупный бизнес или все-таки мелкий или средний?

Богомолов. Богомолов Олег, генеральный директор * по персоналу и экономист, может быть, где-то не очень грамотный *. У меня вопрос, наверно, к обоим спикерам. Как Вы думаете, когда мы говорим об экономическом росте, или когда мы там увеличиваем объем товаров, работ, услуг – *, да? Вот как вы думаете, что движет людьми, экономическими субъектами и в конечном счете конкретным человеком, когда он что-то преумножает? Очень простой вопрос. Когда он что-то преумножает, что им движет? *

Гурвич. Немножко абстрактный вопрос. Хорошо, дальше.

Иван. Иван Андреев(?), экономический факультет. Вопрос Сергею Алексашенко. Скажите, пожалуйста – вызвала недоумение выборка... Вернее, Ваши показатели избыточных резервов для бизнеса. Какую выборку Вы использовали? Ну, если банки и финансовые корпорации – тогда конечно, это корректно, но если взять реальный сектор, то там очень остро стоит проблема финансирования. Какую выборку?

Аузан. Можно еще раз? Вопрос непонятен.

Иван. Какую выборку Вы использовали?

Алексашенко. Еще раз. Вопрос?

Аузан. Еще раз, какую выборку?

Иван. Для показателей избыточных резервов у бизнеса какую выборку Вы использовали, из каких компаний?

Вопрос. Профессор Рохлин(?), экономический факультет. Наверно, к обоим докладчикам. Значит, есть сценарий развития, связанный с запуском экономического роста через девальвацию рубля, и там целые компоненты разные начинают действовать. Какие экономические факторы, по вашему мнению, сдерживают сегодня девальвацию рубля? Спасибо.

Гурвич. Спасибо. Как я понимаю, всё? Еще один? Последний давайте, да.

Кирюшин. Кирюшин Петр, Центр биоэкономики и инноваций экономического факультета. У меня вопрос, скорее, так, с исследовательской точки зрения, потому что за рубежом есть такой подход сейчас, активно изучается – degrowth, то есть «де-рост» и post-growth, то есть «пост-рост». То есть какая-то система – она не может же вечно расти. Да, она развивается, но развитие – это не то же самое, что рост. Соответственно, с этой точки зрения, вот почему – может, действительно, такой немножко философский вопрос, но почему должна обязательно система постоянно расти, и есть ли какие-то альтернативы?

Гурвич. Спасибо. Мы закрываем прием вопросов, потому что даже на уже поданные участники не успеют ответить. Спасибо. В обратном порядке. Так, Сергей Владимирович! Мы стараемся очень быстро.

Алексашенко. Я насчитал 16 вопросов,. Попытаюсь ответить кратко.

У меня нет претензий к методике Центрального банка по подсчёту оттока капитала; я считаю, что статистика платежного баланса в России одна из лучших компонент российской статистики. И именно там считается отток капитала. Причина оттока капитала состоит в том, что бизнес – здесь я пересекаюсь там со следующим вопросом – вкладывается в развитие, для того чтобы заработать больше и чтобы результат от инвестиций достался ему. А сегодня, очевидно, у бизнеса нет в этом уверенности, а Россия находится на 133-м месте по защите прав собственности Поэтому уходит капитал за границу, и там трансформируются в инвестиции в другие страны.

ВТО как причина спада. Не согласен с такой оценкой. Про положительный эффект есть общая позиция: два сектора, металлургия и химия, выиграли от вступления в ВТО примерно 2,5-3 миллиарда долларов в расчете на год, то есть примерно 0,5% от стоимости российского экспорта. Не бог весть какой эффект. Насчет торможения я не встречал ни одного объяснения, что каким-то образом вступление в ВТО помешало нашим предприятиям. В Центре развития была работа, года три-четыре назад, которая показала, что не более трети российской обрабатывающей промышленности вообще сталкивается с какой-то внешней конкуренцией. Либо на внутреннем рынке, либо на внешнем. ВТО – это конкуренция. Вот такая примитивная у нас экономика: нефть-газ – туда, всё остальное – оттуда; железная дорога всё возит, банки обслуживают финансовые потоки, ну и торговля, которая всё продаёт и перепродаёт.

Цены на газ. да, я считаю, что сохранение низких внутренних цен на газ является правильным политико-экономическим решением. В России, кстати, такая модель - модель двух цен - работает в нефтяном секторе. Я не слышал ни одного внятного аргумента, зачем нужно было стремиться к выравниванию цен. В Америке нет экспортной пошлины, поэтому бюджет ничего не получает от сохранения низких внутренних цен на газ. В Америке бюджет всё своё получает через налоги с бизнеса, а бизнес получает низкую цену на энергоносители.

Вопрос о том, либеральная это политика или не либеральная, на мой взгляд, является в данном случае выдуманным. Дважды два четыре – не имеет политической окраски. С моей точки зрения, политика министра финансов, которая не допускает безумного роста дефицита, не является либеральной политикой. Это просто трезвая политика, и к либерализму не имеет никакого отношения. Многие диктаторы, или политические, или там, – они тоже проводили политику отсутствия бюджетного дефицита.

Будущие тенденции кредитования – не могу предсказать, но мне почему-то кажется, что сегодня со стороны предприятий спрос на кредиты будет и дальше падать. Поэтому не думаю, что у банков все будет хорошо.

Девальвация рубля как двигатель роста. Вы знаете, я не сказал, что девальвация в России – это двигатель роста. Я сказал обратное, что укрепление рубля является фактором, противодействующим экономическому росту. В 2010-м году фонд «Либеральная Миссия» выпустил очень хороший сборник «Загадка экономического роста» под редакцией Лешека Бальцеровича, где рассматривалось с десятков пар сопоставимых стран, которые находились в похожих условиях, и почему-то одни страны росли быстрее, а другие в это время тормозили или росли существенно медленнее. В каждом втором сравнении страна, которая развивалась медленнее, «добивалась» этого результата, в том числе, и за счёт переукрепления национальной валюты.

Девальвация как фактор роста может сработать в крайне исключительных ситуациях, например, как в России в 1998 году. Или как во многих странах Восточной Европы в период перехода от плановой экономики к рыночной. Не думаю, что сегодня 10-ти или 20-типроцентная девальвация окажет мощное стимулирующее воздействие на российскую экономику. Импорт, безусловно, на время немножко затормозится, но пока не вижу секторов, которые от этого могут выиграть. Как, например, после девальвации 1998 года воспрял тот же самый АвтоВАЗ, который мы сегодня здесь несколько раз упоминали. В ноябре 1998 года российская промышленность начала расти, и двигателем роста стала автомобильная промышленность. В период с 1999 по 2003 год бурное развитие получило всё, что могло конкурировать с импортом. Пищевая промышленность, табачная, пиво, шоколад – всё это росло в этот момент, потому что рубль был дешевым и давал пространство для новых инвестиций, создавал заметное конкурентное преимущество.

Опять, не могу себе представить, как сегодня можно провести (!) девальвацию. Ведь в 1998 году не было такого, чтобы кто-то взял и сказал: «А проведем-ка мы

девальвацию». Тогда просто опустили курс рубля в тот момент, когда цены на нефть были на исторически низком уровне, и собственно говоря, рынок отреагировал на ситуацию.

Могли ли мы в Центре развития предсказать рецессию? Мы начали говорить о замедлении темпов роста российской экономики с начала 2012 года. Мы раз в квартал делаем свою презентацию обновленного прогноза, делаем ее публично, в РИА «Новости». И последние шесть кварталов мы постоянно говорили об этой тенденции.

Честно говоря, мы не предвидели рецессию, мы считали, что где-то на уровне 1%-го роста ситуация застabilизируется, что российская экономика будет все-таки сохранять позитивные темпы роста. Но вы хорошо понимаете, что любая эконометрическая модель имеет свои ограничения. Значит, негативные явления - отток капитала, инвестиционный климат - оказали более сильное влияние, чем мы ожидали.

Следующий вопрос, качество институтов ухудшается или не ухудшается –хороший вопрос. Потому что объективного измерителя качества институтов не существует. А есть восприятие. Есть восприятие бизнесом того, что происходит в стране. И есть ожидания бизнеса от того, что они видят. «Perception», то, как это называется на английском языке, По статистике оттока капитала, и по статистике инвестиций, и по статистике и динамике ВВП очень хорошо видно, что точкой, когда все эти негативные процессы начали резко активизироваться, с точностью до дня, стало 24 сентября 2011 года. Когда премьер-министр Российской Федерации Владимир Владимирович Путин сказал, что он будет выдвигаться на пост президента. И, начиная с этого момента, ожидания бизнеса резко ухудшились и материализовались в эти негативные тенденции. Нельзя сказать, что качество институтов в годы президентства Дмитрием Медведевым было лучше, но и у бизнеса, и у определенной части общества были какие-то ожидания и надежды на то, что ситуация будет улучшаться. Но 24-го сентября бизнес получил четкий и внятный ответ: не ждите.

24-го сентября с точки зрения качества институтов ничего не произошло, они какими были, такими и остались. А после этого дня, возможно, что-то даже и улучшилось – какие-нибудь справки отменили, или ещё что. Но бизнес посчитал, что надеяться на лучшее невозможно, и что ключевая проблема - защита прав собственности не будет решаться. И, к сожалению, бизнес оказался прав.

Не запоздало ли государство с инвестированием в инфраструктуру? Вы знаете, я не очень вижу, что государство хорошо и много инвестирует в инфраструктуру. Вот Андрей Николаевич даже сказал, что в период кризиса Россия как раз туда не инвестировала (то, что делали все страны), и пока я не вижу ни одного внятного инфраструктурного проекта, подготовленного к реализации.

Правительство готово мыслить только мега-проектами, хотя речь может и должна идти о срочном расширении узких мест. Как, например, вышний Волочек на трассе Москва – Санкт-Петербург. Эта точка резко усугубляет ситуацию на самой напряженной трассе в Российской Федерации. Критическая ситуация складывается в московском авиационном узле: пропускные способности московских аэропортов ограничены и по взлетно-посадочным полосам, и по системе управления воздушным движением. Картина понятна всем специалистам, но не решается ни то, ни другое. Хуже того, непонятно, когда и как будет решаться.

И при этом предлагается вкладывать гигантские средства в совершенно бессмысленные проекты типа железной дороги Москва – Казань. Вместо того чтобы сделать новую автомобильную дорогу, три полосы туда, три обратно, с ответвлением на все близлежащие областные и районные центры, и, тем самым, создать скелет транспортной инфраструктуры. Стоить будет не дороже, а экономический эффект гораздо больше, потому что для строительства автодороги будут использоваться местные ресурсы, а не импортные поезда. Потом что нет такого пассажиропотока между Москвой и Казанью, который может окупить предлагаемые затраты. Посмотрите, есть проект Eurostar Париж – Лондон. Агломерация Лондона такая же, как Москва, а Париж в шесть

раз больше Казани. И там десять лет, пятнадцать лет не могли выйти на окупаемость этого проекта. А тут город с однимиллионным населением вдруг там окупит железную дорогу, которая в два раза длиннее.

Я не являюсь экспертом по транспортным проблемам, но, глядя на Европу, в которой практически все перевозки на расстояние до 1000 км осуществляются автомобильным транспортом, интуитивно чувствую, что вложение денег в железную дорогу Москва-Казань является неправильным решением.

Резервный фонд – абсолютно правильно собирали в «тучные годы». Правильность этого решения продемонстрировал кризис 2008 года, который Россия прошла достаточно легко, ровно потому, что смогла заместить и упавшую экспортную выручку, и упавшие бюджетные доходы деньгами Резервного фонда.

Как менять институты, и сколько времени это займет? Два похожих вопроса. К сожалению, исторически подтвержденный ответ на этот вопрос найти очень тяжело. Пока я не смог найти аналоги исторических ситуаций, в которых те или иные страны последовательно добивались деградации публичных институтов. Нельзя сказать, что в России проводится осознанная политика деградации институтов, но у нас в стране результатом политических решений последних лет стала деградация институтов. Пока у меня есть две похожих ситуации: Россия 1917-го года и Советский Союз конца 80-х и 1991-й год. Деградация институтов была и там, и там. Но если в 1917-м важнейшим фактором была первая мировая война, то во втором случае все причины были внутренние.

Сколько времени нужно на восстановление, или в нашем случае на создание институтов, пользующихся доверием? Боюсь, что не год и не два.

Что значит создать справедливый суд, который будет обеспечивать верховенство права и равенство всех перед законом? В стране, где десятки тысяч судей. Ведь нет ни формулы магической на этот счёт, ни закона написать не получится. Речь идёт об изменении сознания людей, о пересмотре ими своих устоявшихся стереотипов поведения.

В нашей стране профессия судьи не престижная. И в какую область ни приедешь, вот начинаешь осматриваться – вот сидит судья, как правило, женщина А ее муж – он или полицейский, или следователь, или прокурор. И когда ты начинаешь говорить: «Ну, скажите, вот здесь же, в этом же деле очевидная ситуация!». Получаешь в ответ: «А мы не можем не доверять следствию. Это наши коллеги, они работали! Они всё проверили! Ну почему я, судья, должен перепроверять результаты следствия? Ведь уже это мой товарищ по работе сделал!»

Возникла настолько тесная спайка судей, следователей и прокуроров, что непонятно, что и как может её разрушить. А добавьте сюда полную зависимость судебной системы от президента, правительства и местных властей – зарплаты, машины, помещения судов, жилищные условия....

Алексашенко. Привлекательность банковского сектора. Мне кажется, что она связана не с тем, что у нас в стране большой уровень бюджетного воровства. Бюджетное воровство – оно не через банки работает, и результаты не банкам достаются. Просто банки – это одни из наиболее прозрачных экономических организаций в России, у которых достаточно хорошая публичная отчетность. Все крупные банки отчитываются по МСФО, и поэтому им легче занимать деньги на внешних рынках, чем непрозрачным предприятиям.

Китай как лидер мировой экономики, типа, «все на нары», как сказал Александр Морозов. Вы знаете, мне кажется, что рано говорить о Китае как о лидере мировой экономики. То, что Китай это вторая по величине экономика мира, то, что она является мощнейшим фактором мировой экономики – да. Но Китай так же точно не является технологическим лидером. Это промежуточный, с точки зрения экономики, сектор. Это фабрика, которая наиболее производит все, где велик вклад ручного труда. Но китайская экономика сегодня скорее ведомая, нежели ведущая.

Если начинается кризис в еврозоне или кризис в США, то китайская экономика всегда будет это ощущать. А вот справедливо ли это утверждение в обратную сторону? Не уверен. Если кризис в Китае не будет связан с экспортными производствами, то, вполне вероятно, эффект на мировую экономику будет очень ограничен. Сырьевые страны могут, конечно, пострадать от снижения спроса на сырье и снижения цен, но вся остальная экономика мира от этого только выиграет. И вот поэтому я пока не могу считать Китай лидером.

Что движет людьми, бизнесменами, когда они хотят производить больше? Это философский вопрос. А что движет поэтом, когда он хочет написать стихи? Вы знаете, бизнесмен – это тоже дар. Жизнь устроена, что экономика должна расти. И каждому отдельно взятому бизнесу тоже хочется расти. Это такое естественное свойство, так же, как композитору хочется писать музыку.

Избыточная ликвидность – этот график можно посмотреть на сайте Центра развития. Мы раз в две недели делаем обзор, и там есть методологические объяснения указания. Это все счета всех предприятий в банках Российской Федерации. Там нет выборки, это просто сумма всех. Какие экономические факторы сдерживают девальвацию рубля? Мощное положительное сальдо текущих операций. В этих условиях, если у нас в стране проводится политика плавающего курса рубля, а не административно устанавливаемого кем-то, объективно рубль должен укрепляться. Андрей Николаевич очень четко сказал, что правильно было бы встроить механизм снижения влияния скачков нефтяных цен на курсовую динамику - и я с ним здесь полностью солидарен. Спасибо.

Гурвич. Спасибо. Андрей Николаевич, пожалуйста!

Клепач. Спасибо. Извиняюсь, если не на все вопросы отвечу, но постараюсь.

Спасибо. Извиняюсь, если не на все вопросы отвечу, но постараюсь.

Первое – я думаю, что опережающий индикатор Центра развития не указал на рецессию, потому что все-таки ее нет. Да. (*Смех в зале.*) Есть замедление роста и есть стагнация. Причем в промышленности она еще ярче выражена. Потому что на самом деле Росстат... Ну, то есть вопрос снятия или оценки сезонности – это вопрос не только формальной модели, а большого искусства, и разными методами можно получить достаточно разные результаты.

По нашей оценке, и разными способами оценки, нету отрицательной динамики ВВП за I-II квартал, как сейчас пересчитал Росстат. До этого у него были другие цифры. Поэтому минуса двухквартального нет. Есть действительно небольшое отличие от нуля. У нас там 0,1-0,2 по ВВП, по промышленности – 0. И в промышленности стагнация восемь месяцев, даже больше, очень длинная.

При этом – напомним, что даже когда американцы, МВФ(?) принимает оценку, экспертную оценку, что у них рецессия, это не чисто формальная оценка. Это качественная оценка. Связанная с тем, что за этим стоит, как инвестиции упали, что происходит с заказами на товары длительного пользования. Поэтому если мы смотрим на весь комплекс – рецессии нет. По нашему мнению. Но опять же, сколько экономистов, столько и оценок.

Второе. Не понял вопрос про цикл, авторство. Потому что речь шла о некотором, как объясняют, цикле, или как бы таком кругообороте причин. Если говорить о циклах, то это отдельная тема. В принципе, спад, который мы имели в конце 2008 – 2009 году, можно рассматривать как циклический, за которым стоит и определенный внутренний российский цикл, там разные есть волны, и 10-11-летние, есть и более длительная волна. В этом смысле, скорее, интересно... Потом можете подойти. Вопрос, скорее, когда произойдет следующий цикл, или когда следующая * будет.

Вопрос. * у Вас были циклы. Кто автор?

Клепач. Этот цикл – круг, это не циклы конъюнктурные.

Алексашенко. Это цикл причин.

Клепач. Да, цикл причин. А не циклы конъюнктурные, или там природные, о которых тоже идет речь в экономике. Да и, собственно говоря, и применительно к нам.

Следующий момент – по ВТО. Я вообще не думаю, что ВТО сейчас оказало существенное влияние на какие-либо отрасли, и даже на металлургию и химию, потому что с точки зрения регулирования там ничего особо и не изменилось. По отношению к Европе есть, по сути дела, соглашения. По химии и по удобрениям – то же самое. Поэтому скорее это институциональные изменения или ожидания. В секторах, где «регуляционка» серьезно изменилась, это сельхозмашиностроение, свиноводство, там автомобили и ряд других, – во всех из них у нас есть спад. Правда, он связан не только с ВТО, хотя скачок по импорту в 2012 году и чуть меньше в 2013 там произошел.

Поэтому пока об оценке ВТО в целом говорить еще рано. Скорее, больше здесь внутренние причины. Хотя в этих сегментах – там есть и некоторый негатив ВТО-шный. Во всяком случае, это резко ухудшило возможности государства там что-либо делать и поддерживать эти сегменты.

Следующий момент, связанный с банковским кредитованием. Я уже сказал, что наш отчасти оптимизм с ускорением экономического роста – во-первых, он связан просто с эффектом базы, потому что если просто продлевать то, что мы получаем по концу этого года, против... Там, по инвестициям и прочее – это уже дает некоторый рост.

Но если говорить более содержательно, отчасти это связано с некоторым оживлением экспорта вслед за европейской экономикой и частью азиатских рынков, а во-вторых – с тем, что у нас инвестиции, как я уже сказал, все-таки будут расти. Во-первых, две трети нынешнего спада – это целиком объясняется Газпромом, прекращением его масштабных проектов. Что касается частного бизнеса, я уже привел эти оценки, рост достаточно сильный; он, скорее, даже замедлится. Но чтобы он не замедлился сильнее, действительно очень важную роль играет спрос на кредиты и условия кредитования. И здесь есть серьезный вызов, который пока наши власти *ционные, что ЦБ, что правительство, не решили. Потому что наша система – она работает, скорее, стимулирует банки сохранять высокие ставки. В реальном выражении они выросли за последнее время, а не сократились. И поэтому действительно здесь нужны серьезные регуляционные изменения. Количественные оценки у нас тоже есть; в прогнозе заложено некоторое ускорение роста кредитования предприятий и торможение роста потребительского кредита.

Еще один момент – по институтам. Ну, я говорю, тема вечная. Тут многое зависит от оценок, но я напомним несколько общеизвестных фактов.

Первое – большинство оценок по низким характеристикам России с точки зрения коррупции, условий открытия предприятий и всего прочего базируются на оценке Москвы. Большинство оценок. Ну просто так выборки устроены. В этом смысле Москва, конечно, сложный город, мы в ней все живем, но Россия живет во многом по-другому, и как там она живет, бизнес знает, в том числе и зарубежные эксперты, хуже. Ну, или во всяком случае, это не учитывается в этих оценках.

При этом, соответственно, вопрос там, народ или власть – также это можно адресовать в большей степени, если опираться на опросы, к народу и власти Москвы. Даже без Московской области. Ну, чуть-чуть с Московской областью. Опросы учитывают эти два региона.

Следующий момент – да, и про институты. Насчет оттока капитала и прочего. Согласен, отток капитала – крайне комплексная и сложная проблема. Но если посмотреть на длинные ряды, то первое – вообще за рубежом, как известно, капитал идет в страны с низким рейтингом, а не высоким. Он из стран с высоким рейтингом, компании экспортируют капитал в страны с низким рейтингом. Потом, через энное число лет, лет двадцать, как на примере Китая, там в Азии, в Африке, рейтинг повышается. В этом плане наш низкий рейтинг – это скорее «притягание» для иностранного капитала, чем он, в принципе, и занимается. Потому что есть большая разница между общим оттоком и

движением инвестиций. Движение прямых инвестиций к нам, по сути дела, не сократилось. Оно ниже, чем до кризиса 2008 года, но в принципе достаточно устойчиво.

У нас проблема в другом. Наш капитал перестал занимать в больших масштабах, как это он делал перед кризисом, и действительно серьезно экспортируют капитал. Почему? Явление многофакторное. Я думаю, уж точно там голосованием президента или еще дальше, вот сейчас голосование в Москве произошло, вряд ли это можно объяснить. Но здесь я не хочу дальше спорить на эти темы. Просто думаю, что вопрос намного более сложный.

Более того, есть куча опросов и оценок, которые показывают, что оценки политической стабильности здесь, в России (это и анкеты «Российского экономического барометра», и других), достаточно высокие, и они играют на позитив. И это вело к тому, что у нас даже в последние два-три года по линии прямых инвестиций достаточно большое количество проектов. В автомобилестроении, в производстве турбинного оборудования, в электротехнике в целом, в вертолетах. Другое дело – да, что пока это не изменило общей картины по притоку и оттоку капитала. Хотя и здесь есть политическая составляющая, безусловно, но думаю, что она не в этом. Здесь вопрос скорее в целом вопроса доверия, и кстати, что тоже немаловажно – здесь свою роль играет и курсовая политика.

Раньше, в том числе до 2012 года, точнее даже – до кризиса, и определенное время после кризиса, ЦБ наращивал валютные резервы. Это что означает? Он скупал валюту и скупал таким образом те доходы, которые компании получают от экспорта своих сырьевых товаров. Сейчас он этого толком не делает. В этих условиях эти избыточные доходы, тем более при большой неопределенности вообще экономических перспектив, компании предпочитают размещать действительно за рубежом. Ну, и не только компании – и часть населения. Ну, а отсюда есть разные аспекты, и в том числе вопрос и о курсовой политике.

Следующий момент. Насчет инфраструктуры. Действительно, несмотря на амбициозные планы, которые были заявлены еще в 2008 году, по увеличению инвестиций, мы их не выполнили. Но я бы здесь предостерег от такого апофеоза и фетишизирования автодорог. Понятно, что они плохие – наверное, большинство аудитории являются еще и автомобилистами, но что я хотел бы сказать? Программы и планы, которые предлагало правительство, предполагали комплексный подход к развитию транспортной инфраструктуры. Так же было сделано во Франции, в Германии; не так делалось в Соединенных Штатах. Что это означает? Дорога действительно ужасная, с Верхним Волочком – но откуда там стоят трейлеры на 10-20 километров? Наверно, мало кто из вас знает, что у нас прекращена перевозка по дороге Москва – Петербург железнодорожных грузов. Только пассажирское движение. Один «Сапсан», который идет в Питер, снимает четыре грузовых состава. Сейчас нет вообще грузовых составов по линии Москва – Петербург, они все идут – там Белоруссия, другие пути, либо все сели на трейлеры, которые, соответственно, и забивают эту дорогу.

Идея высокоскоростной автомагистрали, как она была реализована во Франции, сейчас американцы начинают эти проекты, и как она задумывается, в частности, Москва – Казань, – оценка экономического эффекта опирается не на пассажиропоток главным образом, а опирается на то, что грузовые составы уходят, остаются только на пассажирской ветке, которая сейчас, точнее, смешанная; оттуда пассажирские составы и нынешние уходят на высокоскоростную, и, собственно говоря, в основном становится высокоскоростной, и это дает комбинированный эффект. У нас происходит резкое сокращение времени, там до трех или четырех часов; тогда другой способ размещения и бизнеса, и всего, это все равно как ехать с пересадками там – ну, правда, не в подмосковный город, но даже до Мытищ на автомобиле можно в часы пик добираться три часа. То же самое, что до Казани или уже сейчас до Нижнего Новгорода на «Сапсане».

Но ключевое, или одно из ключевых в этих оценках эффекта – это то, что грузовое движение резко ускоряется и идет по отдельному направлению. Правда, вместе с электричками.

Поэтому здесь не все так однозначно, хотя естественно, и все согласны, что нужно существенно увеличить строительство автодорог. Это, в общем-то, позорная ситуация.

По «зеленой» экономике. Ну, Сергей, вы знаете, что я «за». Но нужно исходить из того, как к этому идти. Те расчеты, с которыми там я знаком, они скорее показывают, что с точки зрения темпов роста ВВП мы потеряем, если мы сейчас начинаем форсировать переход к «зеленой» экономике. Ну, и в силу роста экологических платежей, и в силу ужесточения технологических требований. И это ударит не только по нашему внутреннему производству, но и по экспорту. Поэтому вопрос актуальный, но еще актуальнее – как, в каких формах к этому переходить. И это требует серьезного экономического анализа всего.

Очень коротко. Насчет взносов в уставной капитал готов сказать более детально лично. Мое мнение – проблема... То есть наше министерство традиционно было, как вы знаете, против взносов в уставной капитал, чтобы это все шло в формате ФЦП(?). Я не считаю, что здесь есть ключевая проблема. Более того, из тех взносов в уставной капитал, которые реально делались за последние годы, большинство превратились в капитальные затраты. То есть затраты инвестиционного характера. Причем в каждом случае заключалось соглашение отдельной компании с Минпромом, где прописывалось, на что и как эти деньги пойдут, какие результаты должны быть получены. Можно там по-разному оценивать результаты, они все сильно дисконтированы по сравнению с намерениями, но тем не менее механизмы здесь работают, и когда они работают – нет принципиальной разницы. Когда они не работают, естественно, контролировать все это сложнее.

Насчет того, почему всегда реализуется худший вариант – это не так. Напомню: все прогнозы, которые делались в 2000-е годы, официальные прогнозы, более того, должен признать – прогнозы, которые я делал, ну, или мы делали с коллегами в Центре развития, и которые делал еще в свое время ЦМАКП – все оказались ниже, чем то, как реально развивалась российская экономика. Ближе всего к ее реальной траектории развития, надо отдать должное, оказывались прогнозы и экспертные оценки иностранцев, иностранных банков и инвестиционных компаний. Они были большими оптимистами по отношению к России, а Россия оказалась большим оптимистом по факту, чем мы все ожидали.

Сейчас? Сейчас – да, реализуется худший, ну, или консервативный вариант. Почему и как – об этом сегодня уже говорили, не хочу повторяться. Но при этом, да, с этого начинали – не все определяется, и главным образом не все определяется мировой экономикой. Главным образом все определяется нами. На всех уровнях.

И что еще? Ну, насчет того, у кого в руках будущее развитие, и зачем вообще чем-то заниматься, я бы так сказал – будущее развитие, на мой взгляд, не в делении, там, большой бизнес или малый бизнес. Оно все-таки действительно в том, что сформируются и новые элиты, и новый фактически российский, может быть, средний класс, и не только средний класс, потому что критерии отличны, а люди, которые так или иначе и работают честно, и способны не просто зарабатывать деньги, а действительно создавать новые реальные и интеллектуальные ценности и при этом отвечать за свою страну. Это и движет их деятельностью, и вера в это, я надеюсь, у нас не пропадет. Несмотря на лучшие или худшие там макроэкономические показатели. Спасибо.

Гурвич. Спасибо большое, Андрей Николаевич, Сергей Владимирович, за замечательное выступление, от имени всех присутствующих благодарю, и я уверен, что это будет поворотным пунктом, что после нашего диспута мы начнем уходить если не от стагнации, то уж как минимум от рецессии. Спасибо!

И для заключительного объявления передаю слово Александру Александровичу. Пожалуйста!

Аузан. Уважаемые друзья! Вот обратите внимание, что не знаю как в России, а у нас институты работают. Ровно два часа. Обратили внимание, да?

Мы летом спорили с Евсеем Томовичем, что делать дальше с успешной программой АНЦЭА по диспут-клубу. Потому что я предлагал либо похоронить, потому что мы оба устали – устали, все-таки семь лет занимаемся, да? – либо развить. Ну вот похоже, что получилось развить.

Поэтому я, во-первых, хочу вас поблагодарить. Сегодня установлен рекорд, сегодня больше 250 человек здесь, на диспуте. Предыдущий рекорд был связан с диспутом академика Полтеровича и Евгения Григорьевича Ясина, там было что-то порядка 170 человек. Опять-таки, МГУ и Высшая школа экономики, что любопытно, да? Может быть, нам такую программу с Вышкой завести, чтобы народу было интересно жить. Но разумеется, на базе АНЦЭА и на базе людей, которые вышли из независимых исследовательских центров, ныне поглощенных теми или иными университетами. Да, Сергей Владимирович?

Уважаемые друзья! Я хочу объявить о том, что мы намерены сделать, быстро расшифровать, в течение четырех дней, стенограмму этого диспута. Я прошу обоих участников в течение недели после этого, включая субботу-воскресенье (мы понимаем вашу занятость), авторизовать стенограмму, чтобы мы могли через 10 дней ее опубликовать. Потому что наш опыт предыдущих диспутов показывает, что когда авторизация затягивается на 2-3 месяца, а это по актуальным вопросам политики – ну, вы знаете, как-то это не проходит.

Можем установить такое правило? 10 дней – это нормально. 6 дней, 7 дней на авторизацию. Если авторизация за 7 дней не происходит, мы считаем, что и так все хорошо. На мой взгляд, очень правильно. Согласны? Сергей Владимирович, Андрей Николаевич?

Клепач. Согласны.

Аузан. Согласны.

Алексашенко. Не-а.

Аузан. Нет? Публикуем так, как Вы сказали?

Алексашенко. Не-а.

Аузан. А как?

Алексашенко. Пока не сделаю. Сделаю максимально быстро.

Аузан. Нет, ну вот смотрите, хоронит институты, да? По-моему, это пахнет... Как это сказать?

Гурвич. Саботажем.

Аузан. Декларацией, декларацией. Настаиваю на институте! Сергей Владимирович, обсудим.

Итак, следующая встреча состоится, как обычно, в третий четверг, это будет 17-е октября, и мы продолжаем тему, которая сегодня вспыхнула, потому что отсюда вопрос – «Бюджетная политика: больше тратить или больше экономить?» Здесь в диспуте сойдутся Дмитрий Рэмович Белоусов и Олег Витальевич Буклемишев. По вопросу о бюджетной политике. Спасибо, до 17-го октября, и пожалуйста, регистрируйтесь! Иначе мест в аудитории не хватит. Спасибо вам еще раз!